

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юнион"

АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ

ВЪЗДѢЛЪННОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ въ страдѣ

Марин Ивановны Долиной

Ж. К. Акцери П. Исидор

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (69).

Апрель. 2008 год.

Наша Победа

Есть даты, которые не теряют своего смысла, своей роли в жизни человечества долгие десятилетия. К таким относится 9 мая 1945 года — День Победы над фашистскими захватчиками, которым закончилась вторая мировая, а для нас Великая Отечественная война. К таким датам относится 10 апреля 1944 года, когда был освобожден от оккупантов наш родной город-герой.

Одесситы почти семьдесят лет с гордостью помнят, что наш город был первым, остановившим врага, получившим звание города-героя. Советская Армия оставила его лишь по приказу Ставки.

Уже мало осталось в живых ветеранов той кровавой войны. Но дети и внуки солдат, сражавшихся с фашизмом, делают все возможное, чтобы Победа, доставшаяся ценой

миллионов жертв, не стала календарной датой, а была живым примером для последующих поколений.

День Победы — считали ветераны войны — навсегда уничтожил фашизм. Увы, то тут, то там фашистская идеология высовывает свои щупальца. Тем важнее помнить, какой ценой дошли советские войска до Берлина и Праги, какие надежды они связывали с Победой над оккупантами.

Я еще и еще раз просматриваю книгу Михаила Пойзнера "Оккупация. Одесса. 1941-1944", откуда репродуцирован этот снимок. И еще большей гордостью проникаю к тем, кто на фронте, в тылу и даже в оккупации сражался с бесчеловечной машиной под названием — фашизм.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Я думаю, вам будет интересно узнать, что с вашей помощью расширяются связи зарубежных одесситов между собой. На мой взгляд, это практическая реализация лозунга Всемирного клуба одесситов. Я убежден, что выражаю общее мнение моих новых друзей в виде благодарности за помощь в установлении связей одесситов, оказавшихся за рубежом.

Несколько слов о том, какими образом мне удалось установить эти контакты.

На сайте ВКО была опубликована моя статья о нобелевском лауреате З.А. Ваксмане, который окончил 5-ю одесскую гимназию и затем эмигрировал в США, где в университете штата Нью-Джерси руководил исследованиями, привед-

шими к открытию стрептомицина. Работая на общественных началах приглашенным профессором в этом же университете, я собрал интересные сведения о Ваксмане, которые в виде статьи и были помещены на сайте.

На сайте клуба я прочитал статью В. Каткевича об С.Я. Ваксмане. В статье сообщалось, что ректор Аргарного университета обещал открыть в 2008 г. музей истории гимназии и института. Я собрал интересные сведения и по e-mail предложил их ректору для экспозиции. Увы, ответа я не получил.

С благодарностью,

Вольф Шнайман,
профессор,
доктор физ.-мат. наук
volfsn@gmail.com

Может, вам будет интересно узнать, что несколько недель назад я по русскому каналу ТВ слушал интервью со Жванецким в связи с его пребыванием в США, в Нью-Йорке. Он много рассказывал о вашем клубе и о вашей деятельности отзывался очень тепло. Конкретных имен не называл, но говорил о тех людях, которые в этом клубе осуществляют многогранную работу.

Ровно год назад в праздничные дни мы были в Одессе, что вспоминаем с нежностью и теплотой в душе. И конечно, нашу встречу. Пожелаем же себе, чтоб она еще повторялась. Успехов вам, здоровья, исполнения всех замыслов на поприще клубной деятельности.

Ваша Лариса Матрос
larisamatros@aol.com

Мое имя Лолита Санчес. Я родилась и жила в Одессе. Сейчас живу в Эквадоре — Латинская Америка. Интересно и приятно было узнать о существовании и деятельности клуба. Хочу поздравить клуб долгой жизни и успехов во всех предприятиях. С уважением,

Лолита
sani2218@uio.satnet.net

Узнав из Toronto Slavic Quarterly о выпущенной вами серии поэтической серии (?), хотел бы уточнить, имеется ли возможность приобрести книги Фроленкова и Ставрова, сколько они стоят, и как технически осуществить покупку. Упомянутая там же книга Вениамина Бабаджана — это фактшопик 2004 года или что-то другое? Буду также признателен, если вдруг у вас имеется

контакт с одесским издательством, которое в 2001 году опубликовало книгу стихов Юрия Олени "Облако", и вы мне его сообщите.

Если есть интерес к изданным мною книжкам (кроме Чудакова и Виноградова — они кончились) — всегда готов!

С уважением, Владимир Орлов

ol.orlov@rambler.ru

Здравствуйте. У меня два вопроса о сборе средств на памятник Бабелю.

— Можно ли это пожертвование рассчитывать как благотворительное в налоговых целях?

— Есть ли электронные способы оплаты (Paypal)?

Спасибо.

Паша Глейзер
rgleyzer@hotmail.com

Памяти художника Льва Межберга

Лев Межберг ушел от нас 17 июля 2007 года. Семья Л. Межберга благодарит его друзей и коллекционеров, которые откликнулись на заметку "Памяти Льва Межберга" (№ 4/68 за ноябрь, 2007) и внесли значительные средства на установку ему памятника.

Сбор средств продолжается. Пожалуйста, внесите ваши пожертвования на имя: Andrew Meshberg, PO Box 944, Darien, CT 06820-0944.

Когда прочел на сайте клуба статью "Две версии гибели линкора "Новороссийск" (http://odessiclub.org/reading_room/lander/novorossiisk.htm), у меня сложилось мнение, что вас интересует только причина взрыва линкора.

Я служил на крейсере "Молотов" боцманом. По боевой тревоге был расписан в аварийной команде, куда входили матросы разных специальностей, в том числе и боцман. После взрыва на "Новороссийске" была включена боевая тревога на всех кораблях, находившихся в бухте. Мы стояли на первых бочках, а "Новороссийск" — на третьих бочках. В этот день я был дежурным боцманом на корабле. Почти во время тревоги я отдал швартовой конец баржи с пресной водой. Так что по соседству мы видели все, что происходит на линкоре.

Вскоре аварийную команду отпустили на линкор для участия в спасении корабля. Мы доложили о прибытии, и нас отпустили на ют, то есть на корму. Мы приняли трос с буксира и ждали остальных команд.

После взрыва в носовой части корабля корабль наклонился, но еще не коснулся грунта. В это время можно было его отбуксировать на мель или на северную сторону в сухой док. Все люки и двери были задрены. Никто не мог выйти на верхнюю палубу.

Был приказ действовать как при боевой обстановке. Командующим Черноморским флотом был адмирал Пархоменко, а его приказ не обсуждался — ведь он был сыном легендарного героя.

В таком состоянии корабль продержался более двух часов. Корабль постепенно уходил носом в грунт, вода заполняла носовую часть корабля. От давления воды переборки не выдержали, и вода сделала свое дело, как ножом по маслу — с такой силой порвало ржавое и гнилое железо, заполняя все кюветки и помещения тоннами смертельной воды.

Люди, которые отдавали приказы с берега, не послали своих детей спасать корабль, а играли судьбами ни в чем не повинных людей. По их вине сотни семей остались без своих сыновей, мужей, отцов.

На корабле возникла паника, корабль стал переворачиваться на левый борт, накрывая собой тех, кто прыгнул или упал с бортов корабля в море. Вокруг корабля было много спасательных средств, буксиров, баркасов, шлюпок — ведь могли спасти всех оставшихся после взрыва. Не было смелых людей, кто бы дал приказ покинуть корабль.

Ежедневно всплывали трупы. Так продолжалось еще долгое время.

Я вспомнил приказ — нам зачитывали — о выдаче денежной компенсации семьям погибших офицеров и матросов. Точную сумму я не помню.

О награждении участников спасения корабля я лично не слышал.

В вашей статье не было указано, что курсанты учились также проходили практику на корабле. А версия гибели корабля в то время была такая — корабль, вернувшись из похода, зацепил магнитные мины, так как у него не было акустики. Никто никогда не указал, кто был виноват в гибели личного состава после взрыва в носовой части корабля. Хотелось бы узнать, кого наказали или судили за такое преступление.

Прошло полвека, я с ужасом вспоминаю эти события. В армию я был призван в 1951-1955, родился в Одессе и более 30 лет живу в Австралии. Живу надеждой побывать в Севастополе и положить цветы к памятнику погибшим морякам.

С уважением,

Нали Хахам
rita_khakham@hotmail.com

Фирма "Харрисонс-Транс-Сервис" приглашает:

Творческий вечер Игоря Губермана

22 апреля

Одесский русский драматический театр

Начало в 19:00

Размещает гостиница "Лондонская".

Спонсоры: торговая марка Jaffa Select, газета "Тиква"-"Ор Самеах", телеканал "Одесса".

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СПОНСОР
АГЕНТСТВО НЕДВИЖИМОСТИ
"БЕЛЬЭТАЖ"

Заказ билетов и справки по телефонам 718-06-03, 722-45-04

Бабелю — граждане Одессы

Мы убеждены, что такая подпись появится на памятнике в нашем городе. Сбор средств уже на конкурс проектов памятника И.Э. Бабелю продолжается.

Всемирный клуб одесситов, выступивший с идеей установки в Одессе памятника нашему выдающемуся земляку — писателю Исааку Эммануиловичу Бабелю, вновь обращается к одесситам и всем, кто любит Одессу, с предложением принять активное участие в сборе средств на его сооружение.

Внести деньги можно путем перечисления их на счет горсовета, открытый специально для этой цели. Можно также просто зайти к нам в клуб, где сотрудники выполнят вместо вас все необходимые банковские операции, после чего каждому из жертвователей будет вручено именное свидетельство об участии в этой благородной акции.

По окончании строительства памятника

Реестр дарителей будет сдан на вечное хранение в областной архив.

Рады сообщить, что уже на сегодня на счет в горсовете поступило почти 25000 долларов. Деньги получены из Германии, Грузии, Израиля, Канады, России, США, Франции, Швеции, Эстонии, ну и конечно, из Украины. Причем только жителями Одессы внесено больше половины суммы.

Согласно постановлению Городского совета, это больше суммы, которая необходима для объявления международного конкурса на лучший проект памятника. Понятно, что для строительства самого памятника потребуются еще много денег.

Так что сбор средств продолжается!

Все необходимые для открытия конкурса документы переданы нами в горсовет. Теперь от решения сессии зависят условия конкурса, выбор места, где будет установлен памятник.

Наш адрес: Одесса, ул. Маразлиевская, 1 (угол Базарной)

Звоните: 725-45-67, 725-53-68

Клуб открыт с 10 до 17 часов все рабочие дни

Спецсчет Горсовета:

Банк: ГУГКУ в Одесской области

МФО 828011; код ЕГРПОУ 23862106; счет 31519931700002

Получатель УГК в г. Одесса

Код бюджетной организации 50110000

"Целевой фонд Одесского городского совета"

Назначение платежа: финансовая помощь на сооружение памятника И.Э. Бабелю

Виталий АМУРСКИЙ

ИЗ БЕЗДНЫ

О КНИГЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АННЫ ФРАНК

Элен Берр, "Дневник"... Публикация его в начале нынешнего года в парижском издательстве "Таландье"* не осталась без внимания критики. Точнее, даже не критики, ибо подобные тексты, не имеющие прямого отношения к творчеству, а являющиеся свидетельствами минувшего, по законам литературных жанров не обсуждаются — правильное, поэтому, было бы сказать: о книге этой французская пресса хором заговорила как о событии, и уже то, что к ней написал предисловие Патрик Модино, фактически подтвердило это.

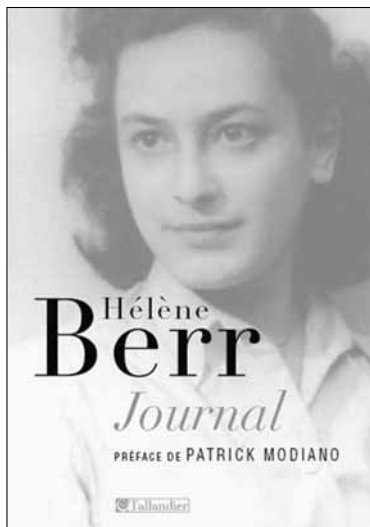
"Дневник", о котором идет речь, вела юная парижанка еврейка, безукоризненно фиксировавшая то, что видела, чувствовала, думала в 1942-1944 годах, то есть в период гитлеровской оккупации Франции. Именно поэтому, наверное, перед тем как познакомиться ближе с этими страницами, будет нелишним сделать небольшой экскурс в историю...

Гитлеровцы вошли в Париж 14 июня 1940 года. Среди первых декретов правительства Виши, подписанных за день до встречи маршала Петена с Гитлером 24 октября в местечке Монтуар-на-Лауре, был тот, что ограничивал право евреев на ряд профессий. Правда, еще не всех евреев, а лишь — иностранцев. Впрочем, 70.000 французам — вне зависимости от их происхождения, — жившим в Лотарингии, той же осенью было "предложено" оставить свои дома, выехать в "свободную зону"... Выступление против оккупантов в Париже 11-го ноября студентов и лицестов оказалось встречено пулями, а столичная жизнь стала постепенно входить в русло, намеченное коллаборационистами разных профилей. Дефицит на многие товары открыл замечательные возможности перед спекулянтами, сотрудничавшими с немцами. Театры, кино, концертные залы стали местами такого "цивилизованного" сосуществования. Возобновление балетных постановок в Гранд Опера, во главе которой гитлеровцами был поставлен Серж Лифарь; выступление фон Караяна, дирижирующего исполнением оперы Вагнера во дворце Шайо — из подобной мозаики можно было бы выложить довольно интересную картину, дополняемую, конечно, другими сценами, допустим, рукопожатиями и дружескими ужинами в немногих имеющих запасы доброго вина и продуктов ресторанах Латинского квартала... Кого там можно было увидеть? После Германии в Париже Отто Абеца в компании французского писателя и журналиста, известного антисемита Робера Бразийяка, или Пьера Дриэ ля Рошеля, немецкого скульптора Арно Брекера и его престарелого учителя Майоля... О, в самом деле, много знакомых нам (по книгам, картинам,

фильмам, истории театра и просто истории) лиц!.. Ван-Донген, Жан Кокто, Саша Гитри, Даниэль Дарье, Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар — кто ближе к оккупантам, кто поодаль — они и многие другие, менее известные, как бы "помогали" столице Франции сохранить ее интеллектуальный и художественный дух в то время, когда под бодрые марши в честь маршала Петена французская полиция, опережающая обычно в своем рвении немцев, арестовывала всех подозреваемых в принадлежности к сети Сопротивления, участия в антигитлеровских акциях, передавая затем в руки гестапо.

Да, все это — фон, без которого сложно ощутить пронзительность страниц "Дневника" Элен Берр. Конечно, живя в то время в Париже, не будучи связана с кругами художественной элиты, далекая от тех течений, которыми была насыщена жизнь богемы, людей подпольного бизнеса, и уж совсем в стороне находившаяся от оккупантов, она не могла не ощущать того, как становилось все труднее и труднее дышать, жить. Особенно ей, еврейке. 14 мая 1941 года в городе прокатилась волна арестов евреев-иностранцев, а 2 июня правительство утвердило так называемый "статус евреев". 20 августа в одиннадцатом округе столицы на евреев — на сей раз не иностранных, а с французскими паспортами, — была проведена массовая облава. Арестованные свезены в лагерь Дранси... Политика преследования евреев, инспирированная в нацистской Германии, проводилась, конечно, не только полицейскими методами. К приводному ремню этой машины была присоединена "культура". Так, в феврале 1941 года на экраны французских кинотеатров вышел сделанный по геббельсовским рецептам немецким режиссером Файтом Харланом фильм "Еврей Зюсс". В сентябре того же года в Париже открылась выдержанная в нацистской идеологии выставка "Еврей и Франция". В марте следующего, 1942 года, еврейская тема нашла немало места в экспозиции "Большевизм против Европы". Тогда же, кстати, впервые из Франции отправился первый эшелон с депортированными в Освенцим...

"Дневник" Элен Берр этих событий не отмечает, и начинается в 1942 году. Если следовать пометке: вторник 7 апреля, в 4 часа. Что произошло тогда в Париже, в стране, в мире, — это все можно при желании отыскать в разных архивах. Девушка, которой всего полторы недели назад исполнилось двадцать два года, описывает, как съездила в дом, где живет Поль Валери, которому она пердала для автографа свой экземпляр книги его стихов. В описании поездки этой нет ничего особенного: погода (яркое солнце, надежда на то, что не будет нередкого в такое время года проливного дождя), транспорт

(автобус № 92 до площади Этуаль), путь пешком (по авеню Виктора Гюго до угла улицы Вильжюст), ощущения (сначала спокойствия, а по мере приближения к дому мэтра — легкой паники и смутения); дом (собачка консьержки, появление ее самой, получение пакета), дар — рукой автора: "Exemplaire de mademoiselle Hélène Berr" [Экземпляр мадемуазель Элен Берр] и — чуть ниже: "Au reveil, si douce la lumière, et si beau ce bleu vivant" [При выходе из сна так нежен свет, и так прекрасно живо это голубое].

Париж. Оккупация. Чужие люди. Чужие тени. Чужие голоса. И вдруг — глоток иного мира. Иного воздуха. Счастье. Строки, подаренные Полем Валери, как бы помогают вернуть душу из пропасти к свету. Закончившая лицей до войны, получившая два аттестата — первый, в 1937 году, с выбором в сторону "латинских языков"; второй, в 1938-м, с ориентацией "философия", — в 1940-41 году Элен успешно продолжила учебу в Сорбонне, специализируясь в области английского языка, написав и защитив научную работу по теме "Интерпретация римской истории у Шекспира". В следующем году девушка планировала принять участие в национальном конкурсе "агрегасьон", открывавшем путь в большую науку, но в связи с принятым в октябре 1942 года вишистским руководством решением, ограничивающим права евреев, сделать это не смогла. Чтобы, тем не менее, не оставить гуманитарные науки, она подала заявку на подготовку не дающей ей каких-либо административных привилегий докторской диссертации "Эллинистские мотивы в творчестве Китса".

Между тем, как бы ни была богата внутренняя ее жизнь, от реальности внешней — серой, сжатой — уйти Элен не могла. И — не хотела. Уже с 1941 года вместе со своей сестрой Дениз и кузиной она принимает участие в подпольной организации, которая спасает детей арестован-

ных евреев, помогая вывезти их в безопасные места, обеспечить самым необходимым. Тем временем опасность приближается к ее собственной семье. 23 июня 1942 года арестован и отправлен в лагерь Дранси отец, Раймон Берр. Будучи вице-президентом при генеральном директоре химических заводов Кульмана, то есть одним из руководителей той экономической отрасли, которая имела особо важное значение в военный период, благодаря поддержке руководства и внесенному за него крупному денежному залого в последней декаде сентября он был все-таки освобожден. Правда, при обязательном условии — работать только дома, не имея каких-либо общественных контактов. Клетка открылась. Но цепь осталась. Берр — родителям и детям (у Элен были сестры Жаклин, Ивонна, Дениз и брат Жак) — ситуация представлялась ясной: настало время жить осторожно. Первое, что при этом было решено: не ночевать дома. Избегать появляться в своей квартире. Благо друзей хватало. Однако после длительных скитаний по разным адресам 7 марта 1944 года семья решает провести ночь дома. Решение оказалось роковым. На следующий день на рассвете за ними пришли. Вместе с отцом и матерью Антуанеттой (урожденной Родригес-Эли) Элен попадает сначала в Дранси, а затем оказывается в партии депортированных в Освенцим. Эта участь выпала на ее долю в день 23-летия, 27 марта.

По сохранившимся воспоминаниям, отец Элен, страдавший от инфекции ноги, оказавшись у врача-поляка антисемита, который его прооперировал (и, по имеющейся версии, следуя распоряжению начальства, отравил), Раймон Берр скончался в сентябре 1944 года. Мать Элен погибла раньше, еще в мае. В газовой камере. Элен пережила их больше, чем на год. В январе 1945, под закат Третьего Рейха, она еще находилась в Освенциме и вместе со многими другими узниками была отправлена пешком в другой концлагерь, Берген-Бельзен. Те, кому удалось выжить, говорили, что сей марш был страшнее, чем Освенцим. Представить себе подобное трудно.

Дойдя до Берген-Бельзена, Элен была совершенно лишена сил и, зараженная тифом, умерла в начале апреля 1945 года, за несколько дней до того, как там появились освободители — британцы.

Но вернемся к ее "Дневникам", которые в книжном издании составили более двухсот пятидесяти страниц. Что поражает в них прежде всего? Это, пожалуй, какая-то невероятная сила любви к жизни. К каждой мелочи: лучам солнца, просвечивающим сквозь листву деревьев и играющим на траве; к цветам и насекомым — к гармонии красок, звуков. Встречи с природой, в основном, связаны с местечком Обержанвилль, в четырех десятках километрах от Парижа, где часто проводила время семья Берр.

Не все, разумеется, в этих страницах пронизано ощущениями полноты жизни, разлитой в природе, в мире. Рядом — сомнения, тревоги: "Все мои друзья арестованы", "Есть много, о чем говорить нельзя"... Поразительные строки, датированные 8, 9 июня 1942 года. В те

дни девушка должна была впервые нашить на свою одежду обязательную для евреев желтую звезду. Внутреннее сопротивление, стремление дать разную силу восторжествовать над чувствами, неожиданные реакции знакомых и посторонних на эту звезду, наконец, поездка в метро, где на станции "Эколь милитэр" контролер заставляет ее перейти в последний вагон, отведенный для таких, как она...

В строках, написанных утром 11 октября 1943 года, — тема отношения к католичеству, которое возмущает мать тем, что в такие времена оно проявляет инертность... Оказавшись перед вопросами, на которые в данном случае ей хочется найти ответ, Элен перечитывает главу о Великом Инквизиторе в "Братьях Карамазовых", и отмечает, что также читала Евангелие от Матфея, не найдя в словах Христа ничего иного, кроме правил совести, которым сама подчиняется по инстинкту... "Иногда я думаю, что я была ближе к Христу, чем многие католики, а тут (имея в виду текст из Нового Завета. — В. А.) у меня оказалась доказательство".

Между первой записью и последней, 15 февраля 1944 года, есть пробелы. Почему Элен в тот или иной момент не прикасалась к своим листам — неясно. Так или иначе, ее строки не предназначались для чужих глаз. Сама она, передавая написанное частями многолетней служанке семьи, человеку, которого знала с детства, Андрее Бардьо, на случай своего ареста, указала на одного адресата — своего жениха Жана Моравецкого. Элен хотела сохранить для него детали прожитых дней, чтобы он знал, как она была без него, что делала, о чем думала.

Между тем, несмотря на то, что записи, которые делала Элен, предназначались для Жана Моравецкого, они стали частью семейного архива Берр в виде нескольких машинописных копий, выполненных одним из служащих Кульмана. Что же касается оригинала, то в 2002 году, по решению наследников, он вместе с письмом, написанным Элен сестре Дениз в день ареста, 8 марта 1944 года, был передан Мариэттой Жоб Центру современной еврейской документации в Париже (Centre de Documentation Juive Contemporaine), а увидеть все это можно там же, в доме № 17 на улице Жоффруа Ласнье (rue Geoffroy L'Asnier) в постоянной экспозиции Мемориала Холокоста, в отделе, посвященном жизни евреев во Франции в годы гитлеровской оккупации.

Опубликованный "Дневник" Элен Берр в некоторых откликах на него оказался сопоставлен со знаменитым "Дневником" Анны Франк. Вне сомнения, общность между ними есть: по эпохе, по тому, что в обоих случаях писались они девушками, которым, согласно нацистской расовой доктрине, не должно было быть места на земле, и которые, в конце концов, погибли. Причем в одном и том же концлагере. Но, вероятно, еще большая общность между этими двумя "Дневниками" в том, что оба можно считать сигналами лампочками человечеству, цивилизации: не забывайте — колыбель у антисемитизма и варварства общая: антигуманизм.

Париж

* Hélène Berr, Journal. Preface de Patrick Modiano. Editions Tallandier. Paris, 2008.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

«...Осиянно только слово среди земных тревог...»

Осиянному слову, слову молитвы за Победу посвящена книга настоятельницы Свято-Архангело-Михайловского женского монастыря игуменьи Серафимы, которая так и называется: "Молитва за Победу. Церковь в Великой Отечественной войне".

Матушка Серафима, появившись в Одессе в начале 90-х годов, стала одним из ярких незаменных подвижников не только на ниве церковного строительства, благотворительности, то есть творения блага, творения Добра, но и на ниве культуры нашего города. Ее книгу об одесском Спасо-Преображенском соборе, уничтоженном в 1936 году, можно считать первым краеугольным камнем в будущее возрождение одесской святыни. Книгу, написанную тогда, когда и помыслить о возрождении собора было невозможно. За этой книгой последовали другие. Из полутора десятка книг сама матушка Серафима считает самым значительным труд, посвященный истории Киево-Печерской лавры.

Потом был "Лист від Диявола" о трагической истории Голодомора и другие замечательные сочинения талантливого и всемерно образованного автора.

Кому посчастливилось читать книги, написанные игуменьей Серафимой, не могут не удивиться глубине ее исторических познаний, философского осмысления событий далекой древности и сравнительно недавних, если оценивать их в историческом масштабе. Порою кажется, что такие издания под силу коллективу авторов. Но написаны они хрупкой женщиной, по ее собственному признанию, не обладающей никаким вузовским дипломом, но получив-

На дорогах Белоруссии. Фото: журнал "Россия Православная"

шей блестящее духовное образование от своих пастырей.

И конечно же, все книги матушки Серафимы, что на русском, что на украинском языке, написаны таким высоким, таким прекрасным языком, таким пламенным, страстным, я бы сказала — Боговдохновенным словом!

Такова и "Молитва за Победу". Книга о войне, о ее лихолетье, о ее пекле, о горе, лавиной хлынувшем на нашу землю, и о Церкви в этой войне. Церковь, как и весь народ, испытала на себе страдания, гонения, вместе с народом прошла тернистый путь испытаний и мучений и в кровавые времена сталинского режима, и в годы вражеского нашествия. Были в истории Церкви не только разрушенные храмы, поруганные иконы, разграбленные святыни, но и свои бесчисленные жертвы, свои страсто-терпцы — от церковных иерархов до скромных деревенских батюшек...

Думаю, что, будь эта книга игуменьи Серафимы посвящена только страницам истории Православной Церкви и ее деяниям в годы войны, у нее, несомненно, нашелся бы благодарный и вдумчивый читатель.

С первыми же потерями, отступлением, с оставленными на разтерзание врагу городами и селами, с неутешительными сводками Совинформбюро приходили усталость и разочарование в шапкозакидательской трескотне советской пропаганды. Народ обращался к вере и молитве. Да и сам Сталин, испуганный, растерявшийся, только дней через десять после начала войны обратился к народу со словами: "Братья и сестры!" — а потом и вовсе призвал на помощь Церковь...

Но, на мой взгляд, книга нашей одесской матушки обращена к гораздо более широкому кругу читателей, к сердцам и разуму тех, для кого отечественная история, история дедов и прадедов — не пустой звук.

Эта книга — полное скорби и печали, горя и сострадания повествование о погибших от рук фашистов на нашей земле крестьянах и горожанах, детях, женщинах и стариках, об угнанных в рабство в Германию девушках и подростках, о расстрелянных, замученных в Бабьем Яру, в концлагерях, в плену, в рабстве евреев, военнопленных красноармейцах, священниках и мирянах...

Мне кажется очень важным в книге то, что ее автор с праведным гневом пишет не только о злодеяниях гитлеровских фашистов и их приспешников, но и о преступлениях сталинского режима. О заминированной и взорванной энкаведистами Киево-Печерской лавре, о наших солдатах и офицерах, из немецкого плена попадавших в сталинские лагеря.

Невольно вспоминаются строки из стихотворения И. Бродского "На смерть Жукова" о наших воинах, "тех, кто в пехотном строю смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою"...

Проникновенный характер книги во многом обязан тому, что ее автор рассказывает не только о глобальных событиях войны, но весь ее ужас передает через судьбы людей.

Крымский протоиерей Николай Швеи, крестивший евреев, чтобы их спасти, погибший от рук гестапо...

Священники, отец и сын, Александр Глаголев, погибший в сталинском застенке, и Алексей Глаголев, Праведник мира, в Киеве крестивший и спасавший евреев...

Олена Телига, украинская поэтесса, не успевшая за короткую жизнь издать ни одной книги стихов, верная украинской национально-освободительной идее, была схвачена гестапо и расстреляна в Бабьем Яру...

Генерал Николай Ватутин, освобождавший Киев и погибший от рук бойцов УПА...

Александр Василевский, окончивший в 1914 году Костромскую духовную семинарию, сын протоиерея отца Михаила, стал маршалом Советского Союза...

А сколько имен, судеб, связанных с Одессой, в книге "Молитва за Победу"! Епископ Лука, в миру великий хирург Войно-Ясинецкий, игуменья

Анатолия, пулеметчица Анна Рыбаченко... Этот перечень благородных имен можно продолжать.

Молитва за Победу пронеслась не только на нашей многострадальной земле. Автор повествует об оккупированной Европе, где гитлеровцы, провозгласившие нацизм новой религией, преследовали, уничтожали католиков — мирян и клириков, о росшем сопротивлении фашизму, среди его участников было много эмигрантов — мать Мария (Кузьмина-Караваева) и Борис Вильде, погибшие во имя Победы над фашизмом, Николай Алексеевич Полторацкий, после войны вернувшийся на родину, до конца своих дней преподававший в Одесской духовной семинарии...

О самопожертвовании, о героизме идет речь в этой замечательной книге. И о предательстве, которое несовместимо с сутью человека, созданного по образу Божьему...

И нужно непременно упомянуть, что книга, опирающаяся на многочисленные свидетельства, исторические исследования, причем представляющие противоположные, не сходящиеся точки зрения, не сходящиеся судьбы, иллюстрирована многочисленными фотографиями — событий, героев, знаменитых и почти неизвестных, тех, кто выстоял, кто приближал и кто одержал Победу. С Божьим промыслом. С молитвой.

С волнением читая книгу игуменьи Серафимы, вспоминаешь стихотворение Николая Гумилева "Слово", написанное незадолго до того, как поэт был расстрелян ЧК:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это — Бог.

Феликс ЗИНЬКО

Адмирал Маркизовой лужи

Удивительные зигзаги делает история.

В советские годы имя российского адмирала де Траверсе связывалось только с "Маркизовой лужей" — так называли моряки Финский залив, в котором якобы квисил боевые корабли и моряков этот морской министр. Дело в том, что Траверсе был маркизом, эмигрировавшим в Россию после Французской революции, вслед за герцогом Ришелье. Правда, он получил персональное приглашение от царицы Екатерины Великой. Ему присвоили звание генерал-майора и должность командующего галерным флотом.

Маркиз возглавил важный стратегический пункт обороны Финского залива в Роченсальме (Котка) и отбил несколько атак англо-шведской эскадры, рвавшейся к Санкт-Петербургу. Александр I произвел его в контр-адмиралы и назначил главным командиром Черноморского флота. Так он попал в наши края.

В Николаеве, что был тогда главной базой флота, оказалось, что флота как такового нетути. Наспех построенные Ушаковым корабли, пройдя славные бои, пришли в полную негодность. Кроме того, созданную на Корфу республику надо было поддерживать. В 1804 году адмирал получил приказ переправить на Корфу две тысячи солдат, в следующем году еще тысячу. И Траверсе, засучив рукава, принялся за дело.

Именно он создал в Николаеве и Херсоне новые верфи, остановил безудержное разбазаривание земель в округе и закрепил эти участ-

ки за расширявшимися городами. Первый историк Николаева Г.Н. Ге писал: "Положение Николаева сильно изменилось к лучшему, когда главным командиром Черноморского флота был назначен маркиз де Траверсе". Одновременно Траверсе исполнял должность губернатора. Но понимая, что совмещать два таких поста — "дело отчаянное", как говаривала Екатерина, он сам обратился с письмом к императору. Его предложение было принято, и вся гражданская власть в Новороссии, Крыму и Таврии перешла в руки дюка де Ришелье. Вы можете, читатель, представить себе российского чиновника любого времени, который отказался бы от власти?

В устье Ингула шли непрерывные строительные работы. Рядом с верфями строились оборонительные форты, а в городе склады и магазины. Надо сказать, что в то время магазинами называли вовсе не торговые точки, как нынче, а склады пороха, ядер и прочего необходимого для флота снаряжения. Траверсе учредил картографическую службу (Депо карт), создал при нем Кабинет древностей, куда приказал свозить археологические находки со всего края. Кстати, потом эти экспонаты положили начало коллекции Одесского археологического музея. В 1804 году было открыто Училище флотских юнг, куда в первую голову принимали детей матросов и солдат.

Ришелье весьма ценил маркиза де Траверсе. Он писал ему: "Мне поручено наблюдать за работами по строительству Одесского порта,

но моя осведомленность в сих делах так мала, что любой совет такого человека, как Вы, будет для меня драгоценен. Мне предложили план строительства, но прежде чем что-нибудь решать, я хотел бы, чтобы Вы все увидели собственными глазами: я был бы Вам бесконечно обязан, и, кроме того, это маленькое путешествие доставило бы нам удовольствие личного знакомства".

Конечно, Траверсе откликнулся на приглашение дюка и прибыл в Одессу. Теперь скажите, слышали ли вы когда-нибудь о его участии в разработке плана Одесского порта? Упоминаются имена де Волана, Ришелье, а про Траверсе — ни словечка. Советские "летописцы" попросту вычеркнули его имя из истории. Как же иначе — ведь он был монархист, а у нас в истории оставили только революционеров. Как это ни смешно.

Справив дела в Одессе и вернувшись в Николаев, маркиз послал дюку де Ришелье морской баркас с командой матросов. "Надеюсь, — писал он, — что, имея такое судно, Вам легче будет наблюдать за работами в порту". Пока дюк был в Одессе, перепишка и дружба между двумя эмигрантами на российской службе продолжались.

С 1806 по 1808 годы на воду были спущены и вошли в строй флота шесть линейных кораблей и два фрегата. Траверсе объявил Севастополь закрытым городом, потому как английская и французская разведки весьма интересовались силами Черноморского флота. В 1809 году на Николаевских верфях были

заложены еще два линейных корабля и фрегат. Николаев стал крупнейшим арсеналом Новороссии. В том же году Александр I назначил маркиза де Траверсе морским министром России. Он принял пост и российский гражданство. И работал министром флота 18 лет.

Здесь надо сказать, что после того как практически весь французский флот был уничтожен адмиралом Нельсоном в битве при Трафальгаре, Наполеон Бонапарт обратился к военноморскому министру Франции: "Помогите мне заполнить этого Траверсе, что командует у русских флотом на Черном море; это человек, который сможет отомстить за меня англичанам на море". Французский консул в Одессе передал Траверсе предложение Наполеона: "Господин маркиз, Вам нужно лишь продиктовать условия вашего возвращения, император Наполеон готов обложить Вас самыми высокими полномочиями". Представьте, наш маркиз отклонил предложение, сказав: "Россия нынче мое отечество, она помогла мне в тяжелое время, я навсегда сохраню ей благодарность". Каково? Вот вам и маркиз! Конечно, монархист Траверсе не хотел служить узурпатору престола.

Во время Отечественной войны 1812-15 годов флотские экипажи сражались бок о бок с армейскими частями российской армии. Когда наполеоновская армия была изгнана из России, корабли флота действовали в Северном море совместно с британскими. После победы царь предложил маркизу княжеский ти-

тул, однако Жан Батист, ставший Иваном Ивановичем, отклонил монаршую милость. Не знаю больше в истории России ни одного человека, сделавшего такой жест!

После войны началась эпоха российских "круг света плавателей". Именно морской министр был законопрудником и организатором этих славных дел. В 1819 году он отправляет Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева на шлюпах "Нева" и "Восток" на поиски неведомого материка. Они обошли кругом Антарктиды и нанесли ее контуры на карты. Путно были открыты и названы острова Березина, Смоленск, Бородино, Малоярославец — места победных сражений российских солдат. Беллинсгаузен назвал именем Траверсе целый островной архипелаг. Затем ушли в далекое плавание корабли Крузенштерна, Лазарева, Литке, Коцебу, Завадовского и Шишмарева, принесшие славу России.

А что там с Маркизовой лужей? Траверсе претолочно понимал, что российский флот пока еще весьма слаб и без поддержки береговых фортов не может противостоять британцам. Потому-то он и придерживал флот в Финском заливе, чем вызывал гнев и издевательские отзывы флотской молодежи, рвавшейся в бой.

Траверсе оставил пост министра в 1828 году. Через три года его не стало.

Кто же и почему, спрашивается, пытался выбросить Жана Батиста де Траверсе из российской морской истории?

Это уже совсем другой рассказ...

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Куда оно делось?

Как-то Саша Розенбойм вдруг спрашивает меня: "Баля, а что это такое — фильдеперсовые и фильдекосовые чулки? Так часто упоминаются в литературе, и в нашем детстве — помнишь? — еще были живы эти названия. Откуда эти названия, чем эти чулки отличались друг от друга?". Сашин вопрос меня застал врасплох.

— Я помню, что одни были плотнее, другие тоньше. А названия... Ну, фильдеперсовые, понятно, в переводе — персидская нить, а фильдекосовые?... филь-де-кос?.. В античности были знаменитые тончайшие косские ткани, с острова Кос, многократно упоминаемые в эллинистической литературе. Может, от них?..

Мне самой мое предположение показалось неубедительным. Но, как всегда в разговоре с Розенбоймом, сразу посыпались наши постоянные "а помнишь?".

— Помнишь флаконы с одеколоном в виде виноградной грозди? Так хотелось подарить маме!

О самых дорогих подарочных коробках, обтянутых красным шелком, в которых лежали духи, одеколон и коробочки с пудрой — "Красная Москва", мы и мечтать не могли. (Розенбойм удивляется исчезновению рассыпчатой пудры, неужели осталась только прессованная?)

Далее следуют вопросы, чем отличались крепдешин и креп-жоржет, креп-сатин и фай-де-шин, маркизет и батист, бостон и шевит. Можно продолжать...

Я тут же задала вопрос на засыпку: — Саша, а что такое пеклеванный хлеб? Сразу после войны, еще не были отменены хлебные карточки, мы с мамой ходили на Привоз, где продавали буханку белого хлеба невероятно дорого для нас — за сто рублей. Такие покупки были крайне редкими. Мама присматривалась к такой буханке и говорила: "Это не белый, это пеклеванный". Иногда папа покупал хлеб, а мама его корила — это же пеклеванный!

Говорят, что дети задают много вопросов. Почему-то я редко задавала вопросы, касающиеся бытовых деталей жизни, о чем теперь жалею. Розенбойм тоже не знал, что такое пеклеванный хлеб, что не помешало нам в тот вечер продолжить наши "а помнишь?".

Но что-то меня задело в этих наших перекрестных вопросах и через какое-то время, заглянув в поисковик (слава Интернету!), выяснила, что фильдекосовые — от *филь д'Экосс*, то есть — шотландская нить. Как я не догадалась! Полонез, экосез — польский, шотландский танцы... И фильдеперсовые — из шелковистой пряжи, а фильдекосовые — более плотные, из хлопчатобумажной, казавшейся шелковистой.

Мне кажется, что еще после войны дамы носили эти чулки, сохранившиеся если не с дореволюционных лет, то со времен нэпа точно! А может, их выпускали по сохранившимся технологиям и после войны?

В эти первые послевоенные годы особенно ценились шелковые тончайшие чулки "паутинка", которые и надевались "на выход". И все дамские чулки непременно имели "стрелку", шов, который подчеркивал стройность ног.

Пушкинское огорчение "вряд найдете вы в России целой три пары стройных женских ног" одесситок, к счастью, не касалось.

За "стрелкой" нужно было следить, чтобы, не дай Бог, не сползла в сторону.

Мы уже оканчивали школу. Одна из учительниц-модниц поднималась по лестнице, я шла следом и увидела на ней тонкие чулки без шва. Боже, какими безобразными они мне показались! Ноги нашей модницы, казалось, утратили стройность, которой она справедливо гордилась. Ноги казались голыми. Ужас!

Девочки же все свое детство ходили в "бумажных" (так в Одессе назы-

вались хлопчатобумажные) чулках "в резинку". У каждой мамы всегда был запас специальных ниток для штопки и деревянный грибок, на который натягивался чулок с дыркой на пятке. И чулками не разбрасывались. Колготок и в помине еще не было.

Сапожники шили "модельные" туфли с тупым носком, на увесистых каблуках, цвета кафе-о-ле, в Одессе так и говорили: туфли "кофе с молоком", а то и просто — "кафейле"! На каждый день считались лучшими "лосевые" туфли на плоском низком каблучке, напоминающие тапочки.

...Мама была права — пеклеванный хлеб из ржаной муки особого помола. В отличие от пшеничного, за который его выдавали, был сероватым и действительно отличался по вкусу от настоящего "белого" хлеба.

...Безногие инвалиды у Привоза, разбивавшие ребром ладони булыжник, собирали толпу зевак. Разбитый булыжник проверяли — настоящий! Бросали деньги в шапку.

Угольные склады — в нашем районе на Канатной угол Новорыбной. Уголь на зиму хранили в дворовых сараях. Покупали загодя, осенью, на тачках привозили, высыпали у ворот, потом ведрами переносили в сарай. Все стремились купить поближе к антрацит. С сероватым летом, а тем более угольная пыль (и ее продавали), горели очень плохо. Зимы бывали очень снежными, с огромными сугробами. Золотой из печек покрывали дорожки во дворах и тротуары. Гололедов, которые так часты теперь в Одессе, не помню.

Дровами тоже запасались на зиму, хоть зимой вокруг Привоза продавались маленькие вязанки распиленных на бруски дров, обмотанные проволокой, всегда одного объема, можно было нести домой, держа за эту проволоку, можно в авоське — помещались.

За керосином для примусов и ламп мы ходили в лавку на Ремесленную, между Малой и Большой Арнаутскими. Часто керосина в лавке не было, но продавцы обещали — скоро привезут. Ходили с жестянками литров на десять, очереди были огромными — за время стояния можно было прочитать книгу, конечно, не "Войну и мир". Господи, кажется, все детство проведено в очередях — за хлебом, за мукой, в кино, в баню, наконец!

Продавец не доливал в литровую кружку "на большой палец". К тому же, под сильной струей керосин пенился. Отсюда, рассказывает Розенбойм, и пошло — жить "на большой палец".

Многие предпочитали керосиновым карбидные лампы с их ярким белым светом. Но запах карбида был невыносим. Нет, уж лучше ставший привычным запах керосиновой лампы с ее уютным желтым светом!

...В первые послевоенные годы — металлические зажимы на пионерских галстуках вместо узла, появившегося позже. В центре был изображен костер с тремя алыми языками пламени — "взвейтесь кострами, синие ночи!".

Почему-то из всех послевоенных денег запомнились "тридцатки" — желтовато-красного цвета. Может, потому что больше купюр такого странного номинала больше никогда не было?

В разговоре с Сергеем Зеноновичем Лушиком упоминаю аптеку и уточняю — на углу Еврейской и Преображенской. "А, — отвечает мой собеседник — на Жмеринке!" — "Какой еще Жмеринке?!" — "А ты что, не знаешь, что когда-то Тираспольскую площадь с округой называли Жмеринкой, — количество

пересадок с трамвая на трамвай позволяло ее сравнить с известной узловой станцией!" Жмеринка! Кого ни спрашивала, никто не знает. Один Сергей Зенонович помнит!

Новорыбная, Чижикова, Пантелеймоновская после войны недолго называлась улицей Потемкинцев. Кого ни спрошу — никто не помнит. Спасибо Я. Майстровому — в его книге "Улицы Одессы" нашла подтверждение моей памяти. Я шла в школу на Французский бульвар, читала названия улиц на жестяных, выкрашенных голубой краской прямоугольничках с номерами домов. Хоть дома улицы называли по-старому — Новорыбная, — но благодаря В. Катаеву название "Потемкинцы" было понятно.

Задирая голову вверх, рассматривая балконы, причудливые рельефы, скульптуру, карнизы, вывески, однажды увидела, что на нашей улице (на моей памяти она была ул. Вайсмана, Институтской, Иностранной коллегии, вновь стала Гимназической) угол Чижикова сохранился над окном второго этажа дореволюционная табличка "улица Гимназическая".

На противоположном углу был двор, где стояли лошади и куда въезжали подвод, набитые сеном арбы, плоские, без бортов "площадки". Возможно, там можно было увидеть еще биндюги, которые стояли когда-то во дворе Менделя Крика или Любки Шнейвейс на углу Балковской и Дальнической. Как знать?! Гужевой "паркинг".

Завод имени Андре Марти в Одессе называли просто "завод Марти", говорили — "работает на "Марти". Недавно на одном из одесских телеканалов из уст ведущей услышала "завод имени Хосе Марти". Девушка явно хотела щегольнуть своей осведомленностью в одесской истории. Марти — слышала, но какой Марти? Наверняка — Хосе. Уже то, что имя кубинца Хосе Марти знает, в наши дни немало, откуда ей знать о французском коммунисте Андре Марти, — "По ком звонит колокол" читать, что ли?..

Как часто менялась топонимика Одессы! Хоть были, были названия, как-то тихо оставшиеся неизменными, — Новый базар, Старокопный (кажется, не менялся). К новым названиям привыкали, хоть мы любили произносить старые одесские названия — такое проявление "одесскости". Но я хочу увидеть хоть одного человека, который бы сам сказал или от кого-нибудь услышал, даже от приезжего: "Я был (купил, видел...) на "Октябрьском рынке"! Сколько лет висела над входом на Привоз вывеска — "Октябрьский рынок"! Никто на нее не купился!

На Привозе раздается шум и тарарам: кто-то в дядьки постарался вычистить карман! "Ой, рятуйте, граждане хорошие, все с кармана вытянули гроши!" "Не будь такой раззява!

Держися за карман, а не смотри ты в небо на аэроплан!" (Народное.)

Уже в пятидесятые, когда появились "стиляги", нечетную сторону Дерибасовской называли Бродвеем. Фешенебельными считались кварталы от Екатерининской до Преображенской, до Центрального гастронома. Здесь фланировала "золотая молодежь". Королем же этого одесского Бродвея был стилига по имени Тарзан. По-моему, никто его настоящего имени не знал. Высокий парень, он нес себя по "Бродвею", возвышаясь над толпой, а за ним шлейфом несло восхищенное: "Тарза-а-а!".

Другая, четная, сторона Дерибасовской считалась провинциальной. Обитатели "Бродвея" ее называли Гапкин-штрассе, пренебрежительно относились к гулявшим по

ней от дома Вагнера до Горсада простым смертным — "жалкие, ничтожные личности"!

От приезжих можно было услышать: "А как дойти до площади Октябрьской революции?" — "До Куликовского поля? — Вот так!" — взмах рукой — от вокзала к конечной остановке 18-го трамвая.

После войны на Куликовом поле, в той его стороне, что окаймлена Пироговской и Среднефонтанской, было военное кладбище, могилы воинов, погибших при освобождении Одессы. С скромные небольшие мраморные плиты с именами, званиями лежали на холмиках с высеженными на них травкой, анютиными глазками, маргаритками.

Когда в конце пятидесятых было начато строительство обкома, чуть ли не в одну ночь кладбище исчезло. Официально объявили о перезахоронении — на Второе кладбище и на Аллею Славы. Памятник Неизвестному матросу и обком возникли в одно и то же время.

Люди, никогда не верившие властям, сомневались, что прах всех был перезахоронен, и хоть тихо, но говорили: "Строят на костях".

Милиционеры носили синюю суконую форму — китель и галифе, окантованные красной тесьмой. На некоторых углах, в частности, у нас на Канатной и Б. Арнаутской, появились на возвышении тумбы со стеклом для милиционеров. Мне кажется, что появлялись тумбы на оживленных по тем временам перекрестках — по Канатной ходил 23-й трамвай, а по Большой Арнаутской второй, а потом и третий троллейбус. Движение еще было двухсторонним. По-моему, в этих стеклянных будках были ручные переключатели светофоров. Когда появилось автоматическое переключение, будки исчезли. Теперь, когда я их вспоминаю, милиционеры мне кажутся похожими на столпников на древнерусских иконах. В Одессе же тогда милиционеров за стеклом называли — "рыбка в аквариуме".

Недавно окончившаяся война постоянно напоминала о себе — инвалидами, нищими, беспризорниками, пулями и осколками, которые мальчишки находили в развалках, зажигалками, сделанными из патронных гильз...

У нас в доме обычно не водился сахар-песок. Только колотый сахар (быстро тающего рафинада не было!), необыкновенно твердый, похожий на мрамор. Крупные его куски кололи специальными щипчиками. Родители пили чай вприкуску, говорили, что сладкий чай не любят. Наверное, это было правдой, но не всей. Думаю, они маленький кусочек сахара растягивали на стакан чая, чтобы оставить нам побольше.

В "коммерческих" магазинах (мы редко там бывали — цены были астрономическими) продавались "сахарные головы", укутанные в папирусную бумагу лилового или синего цвета.

Весна начиналась со школьных каникул. Почему-то именно к ним утихали холодные мартовские ветры. Сбрасывались тяжелые зимние пальто, галоши с ботинок, фланелевые (в Одессе говорили — байковые) шаровары, которые зимой под школьной формой носили многие девочки. Приходил апрель с вербными ветками, которыми в Вербную субботу мальчишки хлестали по голым девчоночьим ногам. Обычно было уже так тепло, что вместо чулок можно было надевать носочки.

Потом наступала еврейская Пасха, и во дворах был слышен легкий хруст мацы, которую ели вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Потом приходил черед православной Пасхи — дней через десять. Раздавалось нежное цоканье яичной скорлупы и запах куличей — в Одессе всегда говори-

ли — "пасок". А там — и майские дни. Улицы, перегороженные грузовиками, — первомайский парад и демонстрация. Флаги, портреты передовиков, транспаранты, веночки из цветной бумаги — одним словом, "утро красит нежным цветом".

И маевки. Семьями — с детьми и внуками, молодые — своими компаниями (в складчину!) — в Аркадию, на Фонтан, на Ланжерон — с пирожками с повидлом, с картошкой и тюлькой, с компотом и ситро, с вином и пивом. Уже можно было купаться в море (нетерпеливые начинали сезон в апреле), наслаждаться солнышком, наломать сирени. Рабочая неделя была шестидневной, праздничных выходных дней было мало, и эти два майских дня были настоящей благодатью!

С ранней весны до поздней осени одесские дворы напоминали часто палаточные городки или парусные регаты. На четырех палках, связанных по углам, усеянных вдоль мелкими гвоздиками, натягивались, сушились белые занавеси. На каждый гвоздик натягивался "зубчик" занавеси. Как легкие пластины, их подвешивали к оконным карнизам. И никаких складок и драпировок!

С середины августа начиналась подготовка к школе. Выдаваемых (продаваемых?) в школе учебников всегда не хватало. За недостающими — отправлялись в Колодезный переулок. Под кинотеатром "Хроника" две недели шел торг. Старшеклассники продавали уже не нужные им учебники — "Родную речь" с неизменной "Рожью" Шишкина на обложке, "Физику" Перышкина, бесмертную "Геометрию" Киселева, брошюры логарифмических таблиц Брадиса. Некоторые книжки, замурзанные, с вырванными страницами, явно сменили не одного хозяина. И все же покупка любой из этих книг была в радость. Все учебники есть!

Елка! К ней готовились загодя. После войны стеклянных игрушек было мало, были они дорогими, поэтому украшения часто приходилось делать самим. Вечерами семей усаживались за стол при керосиновой лампе, из цветной бумаги вырезались ажурные фонарики и корзиночки, вместо стеклянных гирлянд клеились длинные цепи из колец цветной бумаги. За неизменным сусальным золотом орехи заворачивались в фольгу и подвешивались на елку. И конфеты, и яблоки с елки казались еще вкуснее. Так что, надкусанные Павлом Бачеем пряники на елке имели свое продолжение...

И елочные цветные свечки, которые крепились на ветках специальными прищепками. Как пожаров не боялись!!!

Мне кажется, что такого количества мальчиков со скрипочками, девочек с нотными папками, как в послевоенные годы, больше на одесских улицах не было. Над черными нотными папками как будто витало, несло в воздухе — Майкапар! Сразу же после войны мои старшие сестры Лена и Тая бегали на галерку в оперный, не пропускали ни одного спектакля. Мне в утешение приносили программки на серой невзрачной бумаге. Я внимательно читала все — названия, либретто, фамилии — Чайковский, Верди, Пуччини... Почему же в памяти остался Майкапар? Наверное, от многих своих сверстниц, занимавшихся музыкой, слышала эту фамилию. Но главное — она казалось необычной, словно пришедшей из сказки.

И еще. Очевидно, сразу после войны мамы стремились, может, подсознательно, вытащить детей из страхов войны, вытеснить музыкой из детской памяти разрывы снарядов, свист пуль, стук колес теплушек, эшелонов...

Многое осталось в прошлом. Я не тоскую по керосиновым лампам, по хлебным карточкам, по пионерским галстукам, по бесконечным очередям...

Но томительное ожидание желанного дня рождения (загибаешь пальцы на руке — сколько еще месяцев, недель, дней осталось ждать?!), сладостное предвкушение праздников, время, когда фраза "я уже ничему не удивляюсь!" была еще совершенно незнакома, это счастливое время, — оно-то куда делось?!

Анатолий ГОРБАТЮК

Одесское землячество Лос-Анджелеса: вчера, сегодня... завтра?

Об этом сообществе одеситов, сумевших найти друга на огромном расстоянии от родного города, я собирался написать давно, но каждый раз откладывал разговор о нем на потом. Только появившийся недавно во "Всемирных одесских новостях" материал о другом одесском землячестве заставил меня вернуться к этой теме, потому что совершенно очевидно (для меня — в первую очередь): Одесское землячество Лос-Анджелеса является безусловным лидером среди всех подобных объединений наших земляков. Попытаюсь объяснить, на чем зиждется такая уверенность.

...Переехав в самом конце 1997 года в поистине солнечный Лос-Анджелес (тогда думалось — навсегда), я совершенно точно знал, что у меня есть выбор: или играть в знаменитом Пламмер-парке в домино со стариками, или заняться журналистикой. Выбрал, естественно, второй вариант, благо русскоязычных газет в Калифорнии к тому времени открылось великое множество.

Молниеносно пролетает почти два года, и вот я получаю приглашение принять участие в работе оргкомитета по созданию землячества одесситов. Не буду утомлять читателя излишними подробностями о нескольких заседаниях "отцов" землячества, скажу только, что очень оперативно были подготовлены проекты устава землячества и состава руководящих органов (совета землячества, ревизионной комиссии и редколлегии газеты "Одесский маяк"). На учредительном собрании проживающих в Лос-Анджелесе одесситов (пришло около 500 человек!), которое состоялось в январе 2000 года, эти основополагающие документы были одобрены. На первом заседании совета землячества президентом был избран Борис Ципис.

Уже через два года состав землячества насчитывал свыше 1000 человек и продолжал расти, причем стать членами этого объединения одесситов пожелало большое количество наших земляков, проживающих в других городах США (в т. ч. Нью-Йорке), а также в Германии, Израиле, Австралии, Канаде и других странах.

В значительной мере этому способствовала растущая популярность газеты "Одесский маяк", имеющей подписчиков в 24 штатах Аме-

рики, перечисленных выше странах, а также в Великобритании, Латвии, России, Украине (включая Одессу).

Все члены землячества имеют удостоверения. Совет ассоциации проводит заседания раз в месяц. На них рассматривается план работы на следующий месяц и обсуждается проделанная работа в месяце уходящем. Раз в году проводятся общие отчетные собрания членов землячества, раз в два года — отчетно-выборные собрания.

Источники финансирования: ежегодные членские взносы, пожертвования на газету, спонсорская помощь.

Значительную планомерную работу проводит совет землячества под руководством его бессменного президента Б. Циписа. Некоторые направления деятельности совета: организация экскурсий, постоянных поездок на отдых и воды в Хот-Спрингс, тематических вечеров отдыха; ежемесячно заседает Клуб интересных встреч, собирающий большую аудиторию.

С особой гордостью хочу подчеркнуть активное участие в жизни землячества его печатного органа — газеты "Одесский маяк", которую я редактировал, начиная с ее третьего номера (март 2000 года) и вплоть до отъезда в Одессу в августе 2004 года. Как не вспомнить, что именно по инициативе редакции через несколько месяцев со дня образования ассоциации в ее устав был дополнительно введен пункт: "Главной задачей землячества должна быть любая посильная помощь Одессе...". Руководствуясь им, землячество Лос-Анджелеса (в отличие от многих других подобных объединений, созданных вне Одессы) в течение длительного времени оказывало постоянную помощь родному городу.

Так, в 2000 году, откликнувшись на эмоциональный призыв президента Всемирного клуба одесситов Михаила Жванецкого ("Кто сколько может! Кто сколько помнит!"), одесситы лос-анджелесского землячества создали филиал Фонда спасения Одесского оперного театра. На собранные под его эгидой средства были закуплены 3 сваи в основание фундамента театра, часть денег пошла на ремонт кровли. Интересная деталь: за редким исключением жертвователями в этот фонд оказались одесские бабушки и дедушки, которые выделяли из своих пенсий пять-десять долларов на театр в далекой Одессе. Театр, в который сами они уже

вряд ли когда-нибудь войдут... При передаче этих довольно скромных средств в сентябре 2000 года (дело происходило в зале Одесской филармонии) благодарные одесситы устроили мне настоящую овацию, хотя я не уставал повторять, что моя роль в этом — минимальная, я только передаю деньги, собранные среди членов землячества Лос-Анджелеса. Помню взволнованное выступление замечательного одесского благотворителя, ныне Героя Украины Бориса Литвака. "Уехавших по разным причинам одесситов, — сказал тогда Борис Давидович, — можно поделить на две категории — тех, кто, уехав, начисто забыл оставленный город, и тех, для кого Одесса осталась самым дорогим местом на свете. Я рад, что этих, вторых, достаточно много".

С самого начала существования Одесским землячеством Лос-Анджелеса постоянно оказывалась помощь детским учреждениям (детдомам и школам-интернатам) в Одессе — одеждой, оргтехникой, игрушками... В ответ приходили письма, в которых выражалась благодарность за своевременную — такую необходимую помощь. Читать эти письма было больно: одесские дети-сироты нуждаются в помощи из-за океана...

Несколько раз оказывалась, так сказать, разовая, экстренная помощь детям. ...Однажды весенним вечером 2002 года из разговора с нашим волонтером в Одессе Аркадием Креймером (сегодня он заместитель директора Всемирного клуба одесситов) узнаю возмутительную вещь — двум крохотным девочкам, привезенным со страшными ожогами "скорой помощью" из какого-то села Одесской области и нуждающимся в срочной операции, в помощи отказано. Причина — городской бюджет по здравоохранению не предусматривает помощи жителям области. В Одессе — утро, в Лос-Анджелесе — поздний вечер. Но одессит (если он только таковым остался) — понятие круглосуточное. К вечеру того же дня больница в Одессе получила необходимые для спасения девочек деньги, экстренно собранные среди членов совета землячества и так же экстренно отправленные Аркадию. Интересно, узнают ли когда-нибудь эти дети, что в их спасении принимали участие одесситы из далекого Лос-Анджелеса?..

И еще об одной инициативе "Одесского маяка". В 2001 году в землячестве Лос-Анджелеса был создан Фонд помощи остро нужда-

щимся одесситам. Запросив в одном из благотворительных фондов в Одессе имена наиболее нуждающихся наших земляков, землячество регулярно через того же Аркадия Креймера оказывало материальную помощь девяти семьям (на большее количество средств, к огромному сожалению, не хватало), оказавшимся за гранью бедности. Общая сумма выплат этих "пособий" составила порядка тринадцати тысяч долларов...

Так что совершенно не случайно именно Одесское землячество Лос-Анджелеса — единственное из всех подобных образований — с гордостью называет себя филиалом Всемирного клуба одесситов. Оно это звание, как видите, заслужило.

В августе 2004 года, после семи лет пребывания в Лос-Анджелесе, я вернулся в родной город и с огромным удовольствием окунулся в одесскую жизнь. Но связей со "штабом" одесситов в Калифорнии я не прерываю ни на час, оставаясь членом редколлегии лос-анджелесского "Одесского маяка".

В сентябре 2005 и 2007 гг. я с радостью встречал и сопровождал делегации Одесского землячества Лос-Анджелеса, участвовавшие в праздновании 211-й и 213-й годовщин основания Одессы и побывавшие на приемах у городского головы Эдуарда Йосифовича Гурвица.

И конечно же, не осталось в стороне Одесское землячество Лос-Анджелеса от выдвинутой Всемирным клубом одесситов и поддержанной Одесским городским советом важнейшей инициативы по сбору средств на установку памятника великоленному писателю, прославившему Одессу и ее неповторимый язык, Исааку Бабелю.

Прерву свое повествование, чтобы спросить читателя, обратил ли он внимание на прошедшее время, в котором я употребляю некоторые глаголы — "оказывалась", "оказывало"?.. Неужели перестало существовать это славное содружество наших земляков на далеких берегах Тихого океана? Слава Богу — нет! А вот деятельность и инициативу, пришедшие ему, несколько подсократили, на что имеются как объективные, так и субъективные причины.

Вот об этом и состоялся разговор на активе землячества, собранного по моей просьбе в феврале 2008 года, когда я приехал в Лос-Анджелес. Разговор далеко не простой, но откровенный и дружеский. Присутствующие приняли мою шутку по поводу того, что я имею право на три выступления: как член землячества,

член редакционной коллегии и, наконец, как советник одесского мэра по связям с диаспорой. Я откровенно выразил искреннее разочарование по поводу свертывания Фонда помощи остро нуждающимся одесситам — главной, как теперь принято говорить, "фишкой" лос-анджелесского землячества, выгодно отличавшей его от остальных подобных объединений одесситов. "Неужели ваша славная ассоциация сможет ограничиться организацией оздоровительных поездок на воды и двух тематических вечеров в течение года? Вы всегда так гордились безучастным отношением к жизни Одессы! Я успел переговорить с несколькими владельцами бизнесов, в частности, с известным одесским музыкантом Константином Швуимом, они согласились продолжать помогать фонду. Я прошу всех вас самым серьезным образом вновь заняться этим важнейшим вопросом. Не устаю повторять: для того чтобы собраться в русском ресторане, выпить водочки под картошку с селедкой и, ностальгируя, спеть что-нибудь "за Одессу-мату", — нужно ли для этого с невероятным треском создавать землячества и прочие "одесские дома"?". Присутствующие сочувственно кивали головами. Ну что ж, посмотрим...

Как и положено, председательствовал на том совещании бессменный президент землячества Борис Ципис. Недавно ему исполнилось восемьдесят. С этой знаменательной датой его поздравил мэр Одессы. Солидный возраст не мешает Борису Лазаревичу четко руководить подопечными, давать задания членам совета и контролировать исполнение. Впрочем, следует отметить, что средний возраст членов землячества находится где-то в интервале шестидесяти-семидесятивосьмидесяти лет, и это, безусловно, является самым тревожным фактором. Активный приток иммигрантов из Одессы давно прекратился, молодежь делами землячества, да и, честно говоря, жизнью самой Одессы, за редким, очень редким исключением, практически не интересуется, а существующий "контингент", в полном согласии с течением времени, стареет. Вот и вырисовывается весьма неприглядная перспектива естественного прекращения деятельности через каких-нибудь десять-пятнадцать лет этой сегодня еще весьма деятельной общественной формации. Как, впрочем, и Ассоциации ветеранов второй мировой войны, Ассоциации инженеров и изобретателей из бывшего Советского Союза и прочих объединений, состоящих из людей преклонного возраста.

Но хватит о грустном! Сегодняшняя Ассоциация "Одесское землячество Лос-Анджелеса" — довольно мощная общественная организация. Она имеет деятельный актив и интересную, настоящую одесскую (не только по названию) газету. Я верю в вас, дорогие земляки-одесситы, верю в ваш задор и искреннее желание, как и прежде, интересоваться жизнью Одессы. Вы же знаете, какое это замечательное чувство — сопричастность с событиями, происходящими в далеком и одновременно таком близком родном городе!..

Дора КЛИНОВА

Городу Любви

Я случайно обнаружила эту маленькую скульптурку в Городском саду на Дерибасовской в Одессе. Сначала даже не поняла, что это такое. На тонком стебле нечто бесформенное, усыпанное чем-то блестящим. Да нет, не бесформенное, — ведь это же сердце, а на нем множество маленьких латунных сердечек, которые сверкают на солнце. Внизу на постаменте табличка с надписью:

Городу Любви, 14 февраля 2006

Я ахнула. В Одессе не знают, что такое 14 февраля.

Американский день любви,

Valentine's Day, о котором большинство одесситов понятия не имеют. По-видимому, бывший одессит — эмигрант, приехавший из Америки, воздвиг это маленькое диво-памятник в Горсаду, в самом центре Одессы. А может, это сделала группа американских одесситов, — уж не знаю точно.

Как надо любить Одессу, чтобы придумать такую чудо-композицию! Большое сердце, усыпанное множеством сердец всех уехавших из Одессы. Теперь эти сердца зажигаются на солнце и шлют свою любовь и тепло нашему родному городу

со всех концов мира. Я, американка, любовалась этой скульптуркой.

Да, я уже давно американка. По паспорту. А в душе? До конца жизни я буду чувствовать эту раздвоенность. Иностранка в Америке, иностранка в Одессе. Из глаз невольно текли слезы. Здесь вдруг заработали мои слезные железы. Я ведь о них забыла. Я разучилась плакать в эмиграции. Сначала было не до плача, рыдать попусту не было времени. Слишком много нового надо было осваивать. А сейчас вроде и плакать не к чему.

Я долго стояла рядом с этой

Скульптура "Дерево любви", скульптор Михаил Рева

скульптуркой. Прощалась с Одессой. Я провела здесь 10 дней, сложных, непонятных мне дней. Облюбовала самое яркое сердечко, которое сияло бриллиантом под ласковым одесским солнцем, и шептала себе:

— Это мое сердечко. В нем все: и мое восхищение, и моя боль. Мне грустно, моя Одесса. Мое сердце

будет с тобой. Нет, неправильно. Я заберу с собой свое сердце. Оно мне еще пригодится. Я теперь живу в Америке. Я лучше оттуда буду посылать свой свет, моя родная Одесса. Океан света и море добра. Тебе оно так необходимо сейчас!

На следующий день я улетала домой, в Калифорнию.

Музы Алены Томлёновой

Когда заходит речь о музыке Алены Томленовой, многие затрудняются с определением, к какому стилю ее отнести, — похоже, ни к одному. Может быть, она все же дальше от авангарда, чем этого хотелось бы некоторым увлекающимся натурам, которые, подобно Тарелкину, бегут впереди прогресса. Ведь при всей нашей выстраданной любви к авангарду, нет-нет и оглянешься — а не слишком ли далеко мы отрываемся от, так сказать, классических тылов? Ведь судьба Адриана Леверкюна перед глазами, — за 70 лет со времени написания романа конфликт так и не разрешился.

Но вернемся к музыке А. Томленовой. Мне она интересна тем, что,

погружая в эмоциональное пространство классики, она все же напоминает, что мы находимся в новом времени: гармонический строй сбивается переменами ритма, будто нынешний Демиург щелкает мышью компьютера. В Симфонии № 1 таким "поворотом винта" становится финал, который как бы разрушает с трудом выстроенный собор, где все звучало так гармонично.

Что отличает сочинение Томленовой — так это подспудное влечение к метафизичности. Голая мастеровитость, непрерывное экспериментирование с различными формами ей глубоко чужды. К примеру, в произведении "Если Бог захочет" отражается в некотором роде толкова-

ние земной эволюции: общее обретение "утраченного рая". Замечательного (музыкально!) момента умиротворения композитор достигает после тревожного неустойчивого эпизода, когда и наступает заявленное еще в начале просветление.

Один из проектов композитора называется "Томленова и друзья". Это означает — все, существующее в общении, продолжается в творчестве. Произведения посвящены: Сергею Шольцу, Наталии Литвиновой, Наталии Ютеш, Наталии Бузановой, Владимиру Чекалюку, Надежде Журавской, Виктору Фрейдману. Альтернативная соната об Ие Комаровой воплощает чудесный дар музыканта, где исполнение равнозначно сочинительству.

В заключение скажу о книге лирики "Семь нот в тишине". Стихи А. Томленовой музыкальны. Но все же не в банальном смысле, когда некоторые стихотворцы подбирают аллитерирующие звуки. Стихи Алены музыкальны по сути. Хотелось бы закончить эти заметки строфой, в которой говорится о "вечном возрождении":

Накренила чашу тяжелую,
Чуть очарована...
Проглотила ненужную молодость
И опять расколдована.

Валерий БОДЫЛЕВ.

ДАВНО И СЕГОДНЯ

На эту девушку невозможно было не обратить внимание. И уж, конечно, трудно было с кем-то перепутать.

В ее облике было нечто очаровательно-озорное — копна золотистых выходящих волос, огромные сияющие глаза, экстравагантный наряд.

Экзамен по композиции сдавали третьекурсники.

— Кто это? — спросила я у Галки Григорьевой, только что "отстрелявшейся" со своей дивной скрипичной сонатой.

— Это Алена Томленова. Вот послушай, в ней что-то есть...

Аленка показывала сонату для альт-саксофона и фортепиано, такую же очаровательно-озорную, как и она сама, и в этом действительно "что-то было".

С тех пор прошло немало лет, и мы давно дружим с Аленкой. Впрочем, в ее одаренность я поверила с той самой сонаты.

Мне всегда интересно слушать новые произведения талантливого композитора. Их давно уже исполняют лучшие музыканты Украины, такие, как дирижер Игорь Шаврук, скрипачка Наталья Литвинова, виолончелист Сергей Шольц, альтистка Ия Комарова, баянист Иван Ергиев и другие. О каждом из новых произведений Алены я пишу в Эстонии моей подруге Гале Григорьевой.

Людмила САМОДАЕВА,
композитор, лауреат Всеукраинской
музыкальной премии
им. Лео Витошинского,
лауреат премии им. Вериковского.

НАСТАВНИК

Алена Светославовна Томленова — мой первый наставник по композиции. Это удивительно талантливый композитор, профессиональный педагог, чуткий музыкант, красивый и гармоничный человек. Она открыла мне мир творчества, увлекла в область симфонической драматургии, познакомила с большим количеством партитур современных авторов. Благодаря ее руководству у меня появилась возможность вы-

верстах, наполненных голосами копей, голосами проносающихся над судьбой поэта бесов и ангелов.

Как-то мы снимали фильм под названием "Пятое время года", в котором Алена сыграла криминального авторитета. Сыграла так убедительно, что известнейший, с мировым именем кинорежиссер спросила: "Она что — профессиональная актриса?".

И еще Алена Томленова пишет стихи. В них она так же талантлива,

ступать на конкурсах и стать лауреатом.

Музыка Томленовой всегда звучна моей душе.

Рая МУХАНОВА,
студентка I курса Одесской
государственной музыкальной
академии им. А.В. Неждановой
(класс Кармеллы Цепколенко),
лауреат международного конкурса.

ДРУЖБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

У Алены Светославовны я занимаюсь с двенадцати лет. За это время я научилась у нее очень многому. Я имею в виду не только профессиональную сторону — композицию и основы импровизации. Это и определенный жизненный опыт, чисто человеческие качества, которые я у нее переняла. Алена Светославовна человек уникальный — общительный, открытый, доброжелательный, необычайно творческий. Для меня она не только педагог, но и друг. За время моего обучения мы подружились, и дружба наша длится по сей день. Это особенный человек, и о нем хочется говорить по особому.

Вона чудова, талановита,
Енергією, радістю сповита,
Сама як музика, із уст летять вірші,
Що на листках стають
відвертістю душі.

Вона є муза, вона є стихія,
Все в ній: любов, віра і надія.
Підвладні їй всі тембри, звуки, тони.
Вона єдина. Звуть її Альона.

Кира МАЙДЕНБЕРГ,
студентка III курса
(класс Кармеллы Цепколенко),
лауреат международных конкурсов.

Игорь БОЖКО, художник.

ПРЕКЛОНЯЮСЬ ПЕРЕД НЕЙ

При упоминании имени Алены Томленовой во мне тут же начинают звучать музыка. Причем как-то сразу вся, ею написанная. А потом уже отдельные фрагменты, фразы, отголоски исполнений — скрипка Наталии Литвиновой, виолончель Сергея Шольца, голые струны рояля, из которых уже сама Алена извлекает

необычные волнующие перезвоны и звуковые лекала...

Наверное, в прошлой жизни она сама была музыкой. Ее слух переплавляет в музыкальную ткань то, чего нет в обычной природе. Она не имитирует внешнее, а отображает его зазеркалье. Ее музыка таинственна, напряжена и неожиданна. Предсказать какое-то ее движение, фразу — почти невозможно. Ожидание не оправдывается. И это так удивительно, увлекает в неизведанное, в непо-

знаваемое, что чувствуешь уже себя себе не принадлежащим. Ты уже там в этом звуковом гипнозе, во власти каких-то мастерски сплетенных сетей, из которых так не хочется снова на землю...

Ее Соната № 2 для скрипки и фортепиано и ее Симфония № 1 ("Читая Пушкина") поселились во мне сразу и надолго. Какие удивительные образы, какая нечеловеческая печаль в симфонии, в ее черно-белых снегах, в ее полосатых

Олег Губарь Приколы... 120 лет назад

Умели в Нашем Городке это делать не хуже Стоянова и Олейникова, собственно, экспортировавших оное умение из Южной Пальмиры в Северную. Например, предлагая в качестве подарка... "Календарь для дураков", издававшийся в дух модификаций: "Календарь для больших дураков" и "Календарь для кандидатов в дураки". При этом оговаривалось, что "лица, приобретшие экземпляр на веленовой бумаге, могут получать календарь со своим портретом на первой полосе, а люди женатые будут пользоваться пятипроцентной скидкой" ("Одесский вестник", 1887, № 83). Или газетные объявления в следующем ключе: "По случаю наступающего сезона грабежей и воровства 1884-1885 годов, рекомендуются револьверы разных цен, необходимые в каждом доме" ("Одесский вестник", 1885, № 38).

Объявления в периодической печати — вроде того, что "по случаю продается одно место на Старом кладбище", — вообще навевают мысль о продуманной "прикольной изошренности" подателей. ("Одесский вестник", 1887, № 132). Сюда же отменно подверстывается вот такой эпиграфический текст: "Здесь покоится тело купца Степана Мокрина, а москательная его лавка торгует по сейчас и находится там же, на Садовой улице..." ("Одесский вестник", 1888, № 247). Только все это еще, так сказать, цветочки прикола, а ягодки созрели аккурат в окаянные дни муниципальных выборов. Одесские остряки додумались до того, что включили в избирательные списки двух покойников с большим стажем, Антона

Дубинина и Матвея Пашкова. Самое забавное впереди! Покойные кандидаты, обогнав тех, кто "и теперь живет всех живых", набрали такое число голосов, что наверняка прошли бы в Городскую думу, если бы "прикол" по случаю не раскрылся ("Одесский вестник", 1889, №№ 193 и 197).

Но вернемся к объявлениям и заявлениям. Как-то раз возмущенный редактор самодовольно разразился свирепой филиппикой: "Виноторговец, продавший мне на прошлой неделе бутылку лимонада, смешанного с серною кислотой, выдал ее за бутылку шампанского, приглашается прислать мне в течение суток бутылку настоящего шампанского, т. к. в противном случае я опубликую в моей газете во всеобщее сведение имя и адрес этого промышленика". На другой день каждый из местных виноторговцев прислал в редакцию по экземпляру превосходного шампанского ("Одесский вестник", 1885, № 65).

Еще забавнее сюжет о сделке актера и башмачника, согласно которой первый получил новые сапоги в обмен на единственную реплику, правда, провозглашенную с большой сцены. В эпизоде объяснения Гамлета с матерью было предложено сделать небольшое уточнение: "...Еще башмаков (сапог) не износила... Разумеется, не износила! Поскольку заказывала их в сапожной мастерской N" ("Одесский вестник", 1889, № 213). Другой театральный прикол вылился в курьезную афишу: "По случаю семейного горя, постигшего комика нашей труппы, г-на Пуцмана,

а именно: смерти жены, роль "веселого студента" будет исполнять за него г-н Гольц — трагик. Роль же последнего исполнит г-н Пуцман..." ("Одесский вестник", 1889, № 207).

Из других приколов с трагическим привкусом — "Дело об откушенном носе". В Одесском окружном суде обвинялись некие Бурнашов и Еникаев, подстерегшие земляка Ахмаджана Бекбулатова на выходе из трактира "Куликово поле". Еникаев "сдавал ему горло, а Бурнашов откусил ему левую ноздрю", каковую завесила на 68 рублей в пользу потерпевшего ("Одесский вестник", 1885, № 52). Более гуманный трактирный прикол был успешно осуществлен также при участии популярного комика. Сидя в теплой компании, он вдруг воззвал к великодушью и сердечности присутствующих, ссылаясь на бедственное положение одного близкого товарища. Присутствующие проявили отзывчивость — тут же собрали 50 рублей. Рассовывая "благотворительный взнос" по карманам, комик хладнокровно изрек: "Ну вот, теперь этот мерзавец остается мне должен всего только пять рублей".

И то верно: долг платежом красен. В одном питейном заведении некий выпивоха в качестве прикола за 30 копеек продал приятелю... собственного отца. Финал получился непредсказуемый: проданный за два пятиалтынных старик отказался возвращаться к сыну, остался при покупателе, отобрав при сем и все причитающееся ему имущество ("Одесский вестник", 1887, № 145). Как в том анекдоте: "Ну, ты себе прикалывайся, а я полетел!".

Одесские корни

Гарольд Александрович Давидовский родился в Одессе в 1934 году. Окончил одесский политехнический институт. И хотя занимались мы с ним в этом институте почти в одно время, я его не знал, во всяком случае, не запомнил.

А затем с 1957 года он работал на различных должностях на Верхнетагильской ГРЭС, потом главным инженером Тюменьэнерго. Дальше взлет вообще немислимый. Впрочем, что значит — немислимый? Мог же одесит Евгений Ясин стать министром экономики России, почему же Гарольд Давидовский не мог быть назначенным первым заместителем — главным инженером Главного управления Минэнерго СССР, а затем и начальником Департамента РАО ЕЭС России?

Трудно перечислить все изобретения этого выпускника одесского политехнического и все полученные им награды.

В почтенном возрасте этот крупный специалист эмигрировал в Соединенные Штаты Америки. И казалось бы, все нити прерваны. Так бывает довольно часто, но, к счастью, не всегда.

Коллеги, друзья помнили и помнят вклад Гарольда Александровича Давидовского в развитие энергетики России. И в 2007 году он стал кавалером высшей общественной награды — ордена Ивана Калиты.

Интересно и то, что сын пошел по стопам отца. Уже в США он разработал программу, которой пользуются там на многих электростанциях. Вот так разрастаются одесские корни по всему миру.

Е. Г.

Молодость глазами Лизы Коваль

Мария ГУДЫМА ИГРА В ВЕТХИЙ ЗАВЕТ? ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

"Потерпите меня, и я буду говорить..." Уже с поднятием занавеса стало интересно рассматривать на живописном заднике и кулисах сюжеты, напоминающие то Шагала, то платоновский миф об андрогинах, то скандальную историю библейской Сусанны, чье купание произошло при непростых свидетелях преклонных лет. А потом на сцене появились гибкие, яркие молодые артисты в белых одеждах, позволяющих оценить красоту и тренированность тел. С изобретательностью и юмором они перевоплощаются в разнообразных персонажей, состоящих между собой в весьма напряженных отношениях. Вот юноша тщетно тянется к цветущей груди девушки, сетуя, что не он ее избранник, а хорошо быть им, наверное... Вот престарелая мать (ее роль исполняет парень в наряде, так забавней) ревнует своего взрослого сына ко всем женщинам мира, обнаруживая симбиотическую связь с детенышем, который не может оторваться от материнской юбки даже на другом континенте... А вот уж полнейший скандал: три парня под душем пускаются в эротические гомосексуальные фантазии, причем один из них непременно желает видеть своим партнером в любовной игре самого Мессию...

Оказывается, спектакль может одновременно быть и религиозным, и эротичным, — поняли зрители, посетившие премьеру в Одесской русской драме. Интриговало название: "Танахшпиль". Из телеанонсов можно было заключить, что на сцене будут подниматься сложные богословские вопросы, и это несколько напрягало... На самом деле реклама оказалась слабой, а действие — совсем даже наоборот.

Слово "Танах", как известно, представляет собой аббревиатуру древнееврейских названий разделов Ветхого Завета: "Тора", "Небиит" и "Кетубит" ("Пятикнижие", "Пророки", "Писания"). Впервые это слово появилось в трудах средневековых еврейских богословов. Особой популярностью пользовались истории, описанные в "Шир Хаширим" ("Пес-

ни Песней"), которая сама по себе является непревзойденным шедевром любовной поэзии. В современном Израиле сюжеты и образы Танаха продолжают вдохновлять людей литературы и искусства, приближающих к современности ту же Суламифь, царей Давида и Соломона. Необязательно жить в этой далекой стране, чтобы подвергнуться такому же искушению, — ведь Танах принадлежит мировой культуре в целом...

Соединив два слова из языков иврит (Танах) и идиш (шпиль, то есть игра), автор сценария, режиссуры и хореографии Евгений Лавренчук получил понятие "игра в Ветхий Завет". Есть мнение, что идея сцениграфического решения также принадлежит Евгению (а вовсе не мифическому Е. Ефиму из Москвы), заслуженный деятель искусств Украины Григорий Фаер разработал и воплотил предложенное режиссером. И это похоже на правду. Балетмейстер Юлия Пурин тоже лишь добавила необходимого блеску хореографическим наметкам постановщика. Спектакль создавался дружной командой, но главным в ней был, как и подобает, режиссер.

Для инсценировки использовались не только Книги Ветхого Завета, но и произведения современной израильской прозы, корнями уходящей в Танах (в частности, речь идет о рассказах и скетчах Ханоха Левина). На сцене возникла тонкая ироничная абсур-

дистская комедия, о которой сам автор высказывается так:

— В основе этого спектакля — очередная попытка европейской рефлексии библейского порядка вещей. Традиционная ортодоксальность иудаизма выражена для меня непризнанием времени. Мы же как европейцы не можем не жить прошлым, настоящим и будущим, играя в вечные пятнашки со временем. Парадокс библейской ортодоксии в том, что время Творения не исчерпано, но завершено. Для меня театр — единственная форма, где этот парадокс разрешен.

Объясняя, почему спектакль решен в непривычном жанре, обозначенном "патология времени", режиссер снова обратился к соединению слов, в данном случае это "патология" и "биография", то есть "патология биографии", "жизнь, увиденная с точки зрения патологии".

Спектакль служит хорошим поводом лишней (или совсем не лишней) раз задуматься о сегодняшней жизни. Живем мы нынче куда дисгармоничнее, чем наши далекие пращуры, порой в духе чистой комедии абсурда. Вот как, например, говорит одна из героинь спектакля, от глухого одиночества помешавшаяся до того, что в ее воображении весь Китай спит и видит ее своим премьер-министром: "Вот тут вот — никто и ничего. А они, между прочим, ждут ответа!". Балетная сцена

с желтыми знаменами, испещренными иероглифами, исполняется с комической серьезностью...

Решиться на подобный эксперимент могли лишь неординарно мыслящий режиссер, каковым и является Евгений Лавренчук, выпускник РАТИ (бывший ГИТИС) мастерской Романа Виктюка, художественный руководитель Польского театра в Москве. В Одессе он уже прекрасно зарекомендовал себя выпущенным в декабре 2006 года спектаклем "Сумерки богов" ("Александр Вертинский и Вера Холодная"). Эта постановка не только украсила репертуар Одесского русского драматического театра, но и получила прекрасный прием на двух международных фестивалях — "Соотечественники" в Саранске (Россия, март 2007 года) и "Уик-энд с театрами Украины" в Варшаве (Польша, ноябрь 2007 года). Причем в Саранске "Сумерки богов" завоевали диплом лауреата.

Нынешний спектакль несколько не снизил планку, заданную Евгением в "Сумерках...". Совершенно очевидно, что "Танахшпиль" суждена долгая сценическая и счастливая фестивальная судьба. Другой поворот событий авторы спектакля моделируют в эпизоде, когда героиня, мастерски копирующая известную кинодиву Ренату Литвинову (в спектакле вообще идет постоянная игра с неестественными интонациями, всевозможными акцентами, диалектными оборотами речи) рассказывает о своем посещении спектакля, с которого возмущенные зрители уходили, что называется, пачками: "Я не встала и не покинула зал. Осталась, чтобы не верить своим глазам..."

В "Танахшпиле" есть чему подивиться. Молодая часть труппы театра плюс студенты Одесского театрально-художественного училища то и дело оказываются под струями воды то из душа, то из труб на колосниках. Такого потопы в нашей русской драме еще не было! Сцена не промокает, поскольку планшет устан несколькими слоями полиэтилена, живописные кулисы и задник тоже защищены полиэтиленовыми полотнищами, а микрофоны артисты завернули в обрезки дождевика... В столь сложных условиях ребята мастерски подают текст и сохраняют пластическую выразительность, даже осклазываясь в лужах. Игра с кубиками обрамляет и пронизывает все действие; их расставляет Мальчик (Альберт Солдатов), подхватывают персонажи, садятся на них, сооружают подобие пирамиды, стены, или вовсе выносят, наконец, пускают в плавание по импровизированному бассейну, оканчиваясь на сцене к концу спектакля.

Игра Ярослава Белого, Михаила Игнатова, Ольги Кондратьевой, Ланы Крымовой, Ольги Салтыковой, Николая Шкуратовского и других молодых артистов выше любых похвал. Не часто исполнение бывает достойно первоосновы, но это именно тот случай.

Фото Олега Владимировского.

Евгений ЛАВРИНЧУК

Дора КЛИНОВА Мое маленькое Солнце

У меня есть маленькое Солнце. Моему солнцу семь и зовут его Денис. Это мой внук. Живет он в другом городе, я его не вижу ежедневно, и каждая встреча с ним для меня открытие.

Мы играем в шашки.
— Бабушка, игра не хитрая штука, да в каждой игре наука! — провозглашает Деня, расставляя шашки.

Он щедро отдает мне белые с правом первого хода, а себе берет черные. Но они у него не черные, а красные.

— Мои красные — стражи огня. Твои белые — стражи снега! Мои красные хотят растопить твой снег. Твои белые хотят заморозить мой огонь! — комментирует Денис.

Я делаю свой первый ход.

— Твой белый страж бесстрашно врывается на мою территорию, но

мои стражи начеку. Они выстреливают своим пламенем! Пуууфф! Твой снег размораживается и исчезает.

Денис снимает мою шашку. И ставит свой трофей позади своих красных.

— Твой белый страж появился в моем тылу в новом виде. Он превратился в лед. Баммм!

Бабушка, то бишь я, стараясь не опозориться, усиленно напрягает все свое полузабытое знание ша-

шечной игры. Я строю свою оборону. Мои белые вроде бы в приличной позиции. Денис оценивает ситуацию:

— Ага... Белые выстреливают в красных огромными глыбами снега. Это уже ураган! Он хочет погасить мое пламя. Нет! Мой жар никому не погасить!

Деня находит какой-то ход и снимает сразу несколько моих шашек. Я позорно проигрываю.

— Огонь перенес себя через пла-

мя! Лед исчез! Пуууфф! Холода больше нет. Нигде и никогда больше его не будет на земле!

Ребенок снимает все белые шашки с доски, собирает все красные на серединку.

— Стражи огня объединились на планете. Они защищают тепло!

И вдруг Денис говорит мне совершенно серьезно:

— Тепло, бабушка, сильнее всего на свете. И любовь.

Мое семилетнее солнце смотрит мне прямо в глаза. Ох, какое дивное чудо — глаза моего внука! Глаза маленького мудреца. В них столько понимания и доброты!

Да, Денечка, да, мой родной. Любовь сильнее всего. И тепло сильнее любого холода.

ИСКУССТВО — ЛЮБОВЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

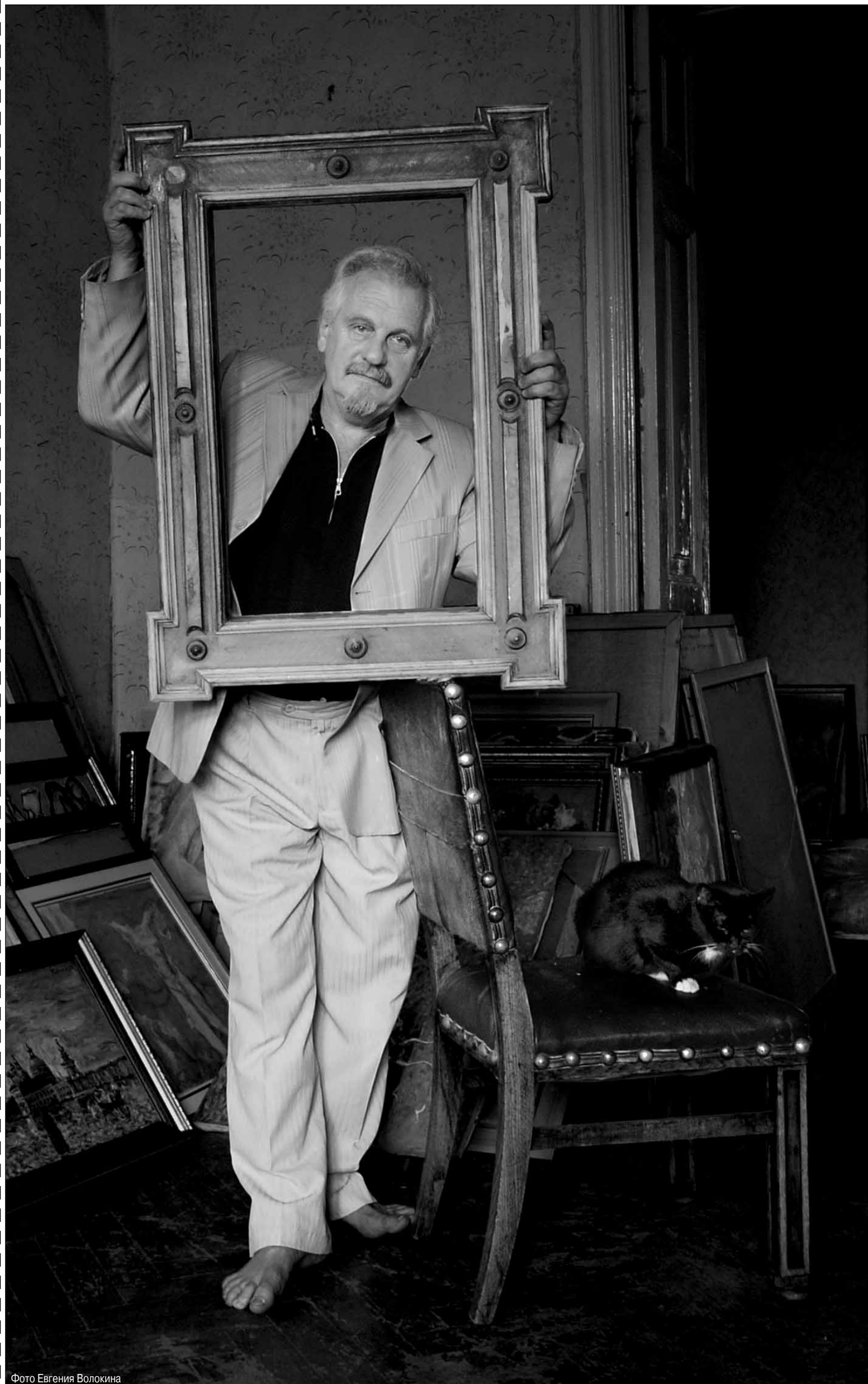

Фото Евгения Волокина

Есть множество людей, для которых любовь к искусству является увлечением, отдыхом от обыденной жизни. Но есть и такие, для которых искусство — это труд, это постоянное приложение сил, энергии, забот, мыслей. Именно к последним относится Евгений Отарович Лукашев, которому 18 мая 2008 года исполняется 60 лет.

Кто он? Безусловно, профессиональный пианист. Но это лишь малая толика его работы в искусстве. Достаточно сказать, что с 10 лет Евгений Лукашев танцевал на сцене нашего прославленного оперного театра. И тут, как и во всем его духовном развитии, огромная роль принадлежит его матери Констанце Феликсовне, которая была и примой-балериной одесской труппы, и балетмейстером ансамблей Павла Вирского и Игоря Моисеева.

Следует ли удивляться, что искусство стало любовью Евгения Лукашева на всю жизнь? Пианист Одесской филармонии, руководитель студенческого оркестра, концертмейстер балета.

Но увлеченность не просто продолжается, она развивается. Евгений Отарович раз и на всю жизнь ощутил красоту камней, создал народный музей "Самоцветы СНГ". И уже тогда почувствовал, что наслаждаться красотой для себя — мало. Он дарит десяткам стран, многим делегациям, выдающимся людям нашей страны двойники из своего музея камней, как бы заражает их своей привязанностью.

И минералами не ограничивается поиск Лукашева. Он дружит с художниками, пропагандирует одесскую школу живописи; дружит с писателями, передает их книги в библиотеки и музеи. В Одесской научной библиотеке имени М. Горького среди портретов дарителей висит и портрет Е.О. Лукашева.

Как-то в официальном документе я прочитал, что заслуженный работник культуры, кавалер многих наград, почетный член Национального союза художников Украины Е. Лукашев передал в дар музеям Одессы и Украины более 300 единиц хранения: картины, рисунки, автографы, рукописи, старинные книги, старые фотографии.

Искусство подтолкнуло Евгения Лукашева к миротворческой деятельности. Член правления украинского Фонда мира находился в местах военных конфликтов на границах СНГ, был в Чернобыле. За эту деятельность он удостоен многих наград, в частности, международных золотых медалей "За укрепление мира", "За гуманизм".

Фотография Евгения Волокина, запечатлевшая Евгения Лукашева, может восприниматься как несколько шуточная. Но по существу она глубока и серьезна. И в 60 лет Евгений Отарович остается молодым, энергичным, веселым человеком. Думается, именно потому, что искусство стало его любовью на всю жизнь.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Вера КАЛМЫКОВА

Мануэль Шац: поиск стилистической доминанты

Мануэль Шац родился в Виннице в 1916 году. В 1931 г. уехал в Одессу — и поступил в Художественное училище, с 31 по 34 гг. это был Художественный институт.

И там ему... не понравилось. "Разочарованный формализмом, царившим тогда в этом училище, я поступил в строительный техникум, надеясь потом поступить на архитектурный факультет Одесского строительного института. В каникулы работал чернорабочим на стройках и консервной фабрике... Стал печатать ... карикатуры в одесской областной газете "Черноморская коммуна". И на 5-ю Всеукраинскую художественную выставку у меня приняли серию ... карикатур... Так я снова вернулся к мысли стать художником", — писал он впоследствии в "Автобиографии", созданной отчасти по настоятельным просьбам дочери Эвелины Шац.

В 1933 г. Мануэль Шац — студент Одесского художественного училища. Среди его учителей — художник А.Н. Стилиануди, в чьем творчестве сопрягаются традиции школ А.И. Куинджи, К.К. Костанди и русского импрессионизма в целом. Легко себе представить, что в центре внимания педагогов были понимание цвета и света, умение колористически решать композиционные и иные "формальные" проблемы живописного пространства...

Можно было бы заподозрить, что слова о разочарованности формализмом продиктованы требованиями советской цензуры. Однако запись относится к 1970 годам — вряд ли стоило тогда подчеркивать отличие своей эстетической платформы от "формалистической", к тому времени уже переставшей вызывать повышенную агрессию в чиновничьей среде. Скорее всего, в случае М. Шаца мы действительно имеем органическую связь с юнорусской школой живописи, с ее очень высокой живописной культурой. И столь же органическую любовь к "реалистическому" пониманию и колорита, и изображения в целом, в стороне от самозабвен-

ного поиска "новых форм" в искусстве, собственно, того, что называлось тогда "формализмом".

Конечно, необходимо оговориться — реализм 1930-х можно считать "наследием передвижников" только в историческом аспекте. Метод к этому времени оказался как следует проплавлен традицией русского импрессионизма, с которой Одесса связана едва ли не более других отечественных художественных центров. Но художникам, работавшим в первые десятилетия XX века, это в голову, наверное, не приходило; и мировоззрение М. Шаца предопределило стиль его творчества и человеческую судьбу — благополучную, но без крупных завоеваний, без мучительного "поиска себя". Он как будто родился, чтобы писать картины в стиле советского "социалистического реализма" с его программным воспроизводством реальности в формах, присущих самой этой реальности.

Как живописцу Мануэлю Шацу суждено было добровольное расставание с ремеслом. Он рассказывал порой дочери, как в одесском училище всегда уважали профессионализм и недолюбливали любительства: картина должна быть сделана.

В 1937 г. М. Шац женился на однокашнице Хелен Мюллер (Hellen Muller — так подписывала она свои работы). Здесь, в одесском училище, на керамическом факультете, она работала в мелкой пластике. В 1938 г. супруги Шац отлично окончили училище и решением Одесского областного отдела искусств были направлены в Академию художеств в Ленинград. М. Шац учился в мастерской одного из лучших российских пейзажистов и портретистов — А.А. Осмеркина, в те годы руководившего, к слову сказать, основанной Архипом Куинджи летней студенческой базой академии в Алушке. Хелен занималась монументальной скульптурой. В том же году родилась их дочь Эвелина (Лина) Шац.

В 1941 г. Мануэль Шац добровольцем ушел на фронт. Хелен находи-

лась в блокадном Ленинграде, Лина — в осажденной Одессе. В 1942 г. больных дистрофией Мануэля и Хелен вывезли через Ладожское озеро на Большую землю — в Уфу, столицу Башкортостана, тогда советской республики Башкирия. Здесь же оказалась и Лина со своими бабкой и дедом по отцовской линии.

В Уфе Мануэль Шац стал заместителем председателя республиканского Союза художников, главным художником юбилейной выставки к 25-летию республики, занимался промышленным и ландшафтным дизайном, работал в декорационных мастерских цирка. Здесь же начал формироваться как портретист: писал портреты героев войны и тружеников тыла.

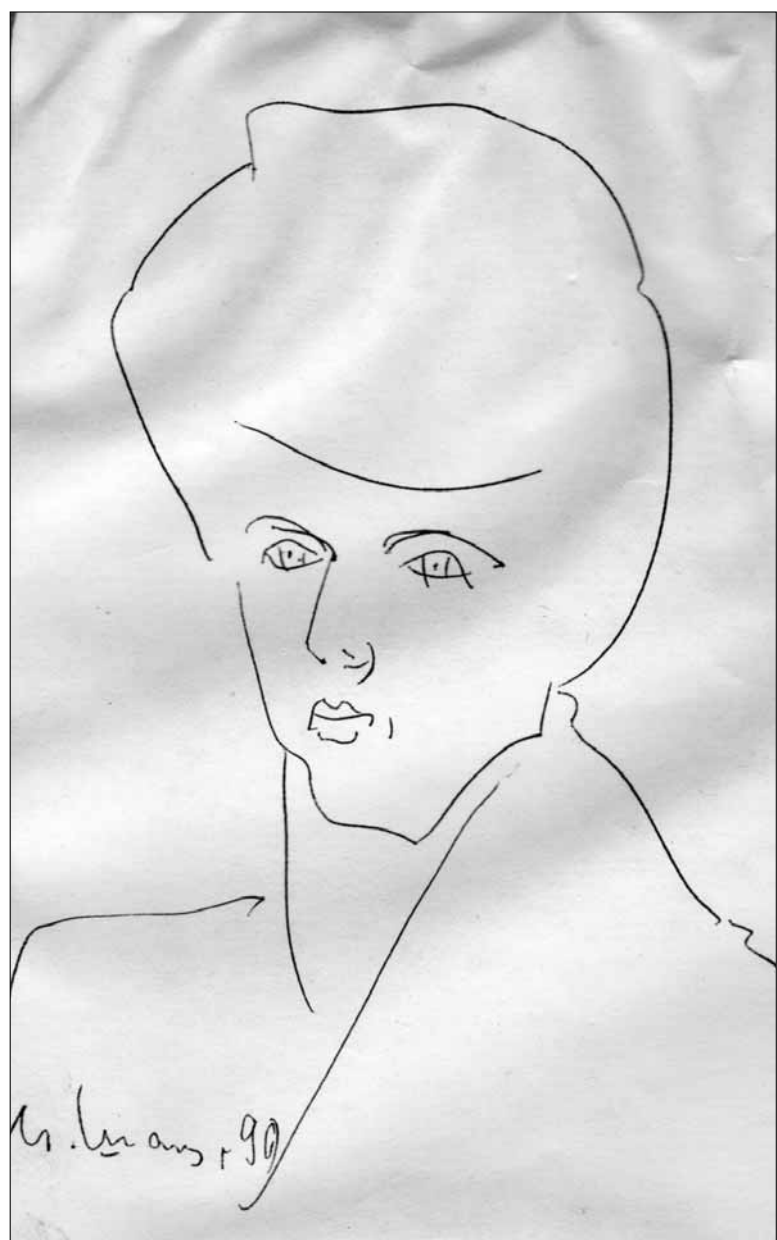
В 1944 г. семья переехала в Москву: Мануэль Шац учился в Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова, в мастерской С.А. Герасимова. Мануэль, Хелен и Лина жили в одном из старинных московских переулков в центре города, занимая комнату в коммунальной квартире вместе с подопечной парализованной одинокой старухой, потомственной москвичкой, чудом сумевшей сохранить свою детскую библиотеку из тогда уже непредставимой дореволюционной эпохи... Но детские книги интересовали разве что Эвелину. Родителям было не до этого: по ночам (днем все время отнимала пленэрная живопись) Мануэль на заказ копировал полотна великих мастеров, и Хелен читала ему вслух.

Война опрокинула в сознание Мануэля Шаца множество лиц — не случайно во второй половине 1940-х и позже он написал серию портретов легендарных героев-партизан: среди них Г. Линьков — "Батя" (1947), П. Вершигора и П. Брайко (1948), С. Ковпак (1950). Все они впоследствии опубликовали свои воспоминания.

В портретном искусстве Мануэля Шаца мастерство торжествует. Качество живописи видно даже на старых черно-белых фотографиях: здесь каждый мазок фактурен, здесь зеркало предельной "похожести" соцреализма выводит его из истории, биографии — общей военной судьбой героев-партизан и "партизанского Леонардо" — так называл М. Шаца П. Вершигора, — в план вечности. Разве мы помним деяния тех, чьи портреты и изваяния восхищают нас в картинных галереях столиц мира?..

В конце 1940-х гг. женой художника становится Наталия Сушкина, происшедшая из старинной дворянской семьи с глубокими музыкальными исполнительскими традициями. В начале 1950-х художник вместе с коллегами В.И. Поляковым и И.А. Радоманом работает над огромным живописным полотном "Песнь мира", посвященном выступлению знаменитого в те годы негритянского певца Поля Робсона в Пиксвилле (США).

Полотно в свое время популярное, но, как говорится, испытание временем не прошедшее. Время испытало любовь художника к черной Африке. Тогда же М. Шац пишет портреты композитора Р. Глиэра, итальянского писателя Джованни Джерманетто, выполняет заказные работы для Московского университета, Центрального музея Армии, Президиума Академии наук, Воскресенского дворца культуры. Работы его, прошедшие государственную закупочную комиссию, распределялись и попадали в крупные собрания: в Чувашскую, Луганскую и Симферопольскую картинные галереи. Оказались они и в Музее Большого театра, в Центральном музее Армии, в выставочном зале Художественного фонда (в его московском отделении М. Шац состоял членом президиума правления

с 1961 по 1965 год), наконец, в Русском музее и в Третьяковской галерее. В 1961 г. М. Шац — участник Всесоюзной художественной выставки, в 1967 — Осенней выставки московских художников.

По-настоящему интересным живописцем, без поправок на "эпоху" или "социальный заказ", Шаца делают его пейзажи: Подмосковье, Крым, Гурзуф. Серо-охристый колорит песчано-глиняной Средней России — с добавлением зелени и лазури — и малый формат делают полотна очаровательными. Прекрасны и его натюрморты. Среди друзей Мануэля Шаца — сценарист Д. Лидер, живописцы М. Бирштейн, В. Поляков и А. Никич, художники с яркой индивидуальностью. 1950-е для всего этого творческого поколения — время интенсивно-яростного поиска "своего" и "нового" языка.

М. Шац "новизну" обретает благодаря одной из тем, которую подсказывает время: это "черная Африка". На крупнейшей выставке 1957 юбилейного года были представлены сразу три портрета африканцев из серии "Черная Африка", выполненные художником в том же году.

В 1960-1970-е Мануэль Шац переживает — впервые в жизни — нечто вроде отказа от "социалистического реализма". На излете метода многие сверстники художника возвращались к традициям "московской школы", "русского сезаннизма", "одесской школы", имеющих, по сути, один и тот же эстетический источник. Другие создавали полотна, объединенные так называемым "суровым стилем". Третьи уходили в абстракцию. Шац пробовал себя в беспредметной живописи, и эти попытки нельзя назвать неудачными — работы успешно выставлялись в Италии, и сейчас в Москве за ними охотятся коллекционеры.

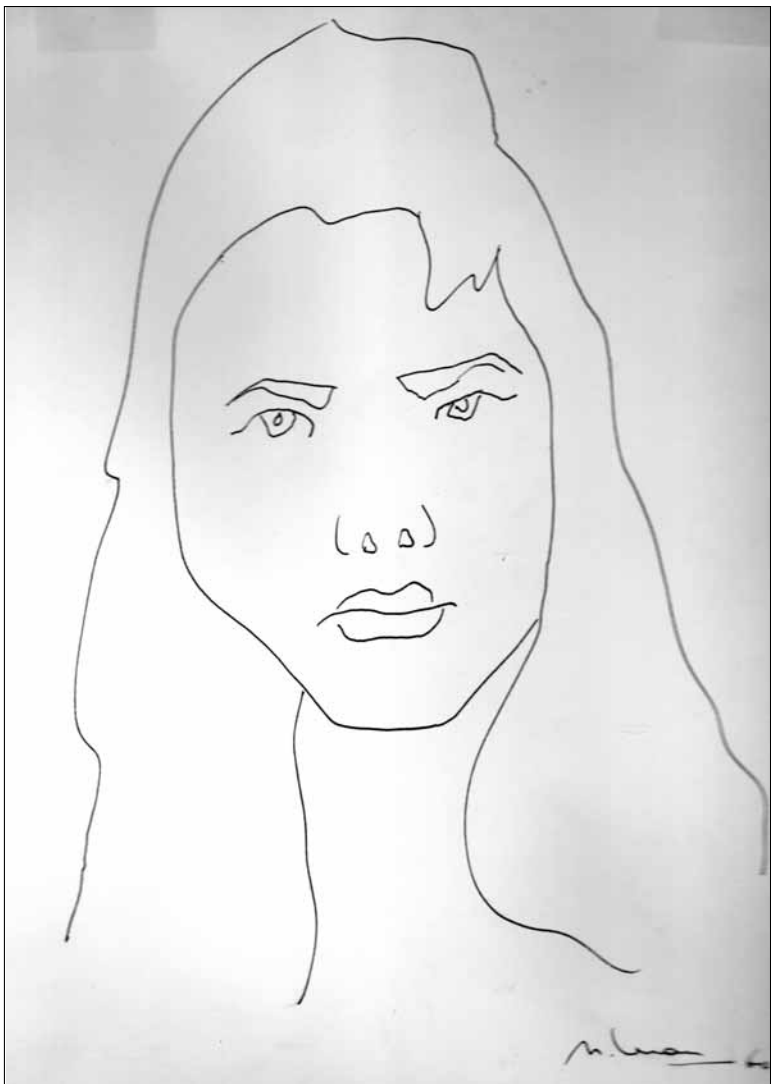
Как только соцреализм исчерпал

себя, само понятие "большой стиль" перестало быть актуальным. Но М. Шац, словно какой-нибудь для нас безымянный средневековый художник, стремится говорить на "языке времени". Безымянное, "никому не принадлежащее" мастерство выводило его из общего русла поисков общности. Всем открывшимся в 1960-е "языком" он явно предпочел эстетику абстрактного искусства, ведь в серо-охристой тональности "сурового стиля" не видел ничего родного, не узнавал "своего" колорита, всегда чувственно-пастозного. Параллельно он искал цвет, и благодаря этому тоже возвращался к своему истоку — к школе Стилиануди. Заново проживая первоначальный профессиональный опыт, М. Шац зачастую использовал свои собственные ранние маленькие картины как этюды — для создания крупных свободных пейзажных полотен, рассказывает Эвелина Шац и добавляет: "Так традиционные живописные ценности оказываются в пространстве актуальных идей. Собственно, актуальностью традиционного и предлагает проникнуться художник".

Выставочная деятельность 1970-80-х гг. остается активной: он неприменный участник экспозиций художников — ветеранов второй мировой войны. В это же время он начинает выезжать в Италию, где выполняет ряд портретов на заказ, и где своих ценителей находят его пейзажи. Среди друзей Мануэля Шаца — писатель Миро Сильвера, художники Альваро, Марио Тудор, Эльвиро Беккерони, балерина Анна Мария Прина.

В 2001 году в Милане прошла большая выставка "Evelina e Manuël Schatz — От советской академии до поэтики фрагмента, два поколения в сравнении (работы 1934-2001)".

Художника уже не было в живых.

Анна ЯБЛОНСКАЯ ДЕВОЧКА С ПУШИНКОЙ

ХРОНИКА ОДНОГО ВОСПОМИНАНИЯ

Мы жили на первом этаже пятиэтажного дома. Окна выходили прямо в парк, который казался лесом. В просвете между деревьями торчал желтый бок школы, где я должна была учиться. Вся моя последующая судьба и любые ее маневры были сосредоточены в этом куске камня. Я смотрела на него издали, вцепившись в поручень балкона: мне исполнится шесть и придется войти внутрь — ничего не попишешь.

Я до сих пор думаю, что если бы мы не переехали в другой район и я не пошла в другую школу, жизнь могла бы сложиться иначе. Я не знаю, как. Но знаю, что иначе. География, видимо, тесно связана с психофизикой и хиромантией. Но эти связи ускользнули от меня в коридорах розово-синей школы. Возможно, в желтой они бы открылись мне. Хотя — не факт.

Трещины, которые иногда дает пространство, разъедаются временем, и бог знает по каким причинам мы снова возвращаемся к исходной точке. Теперь уже трудно сказать, что привело меня к этому месту, и я даже не сразу узнала его, но ноги как-то обмякли, и глаз, зацепившись за желтый угол, вернул меня в тот самый миг, когда стоя на цыпочках, я глядела с балкона первого этажа в эту бетонную стену, совершенно уверенная в том, что мой дальнейший жизненный путь целиком зависит от сероватых бугорков на ее поверхности. Прошло двадцать лет (такие цифры страшно произносить вслух), а здесь ничего не изменилось. Вокруг растет трава, точно такая же, как и тем летом. На черных колесах, вкопанных в землю, сидят озабоченные матери, наблюдая, как на площадке их дети играют в мяч (у меня был такой же — коричневого с бурными прожилками). Я, как и они, сижу на колесах и разглядываю желтый угол.

Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу. Оглянувшись, я увидела, по крайней мере, пять одинаковых домов, каждый из которых мог быть моим домом. Я не могла поверить, что забыла. Но я забыла. Все балконы на первых этажах казались абсолютно идентичными. Они выходили в парк, хотя это трудно назвать парком, — так, может, с десяток каштанов... Я все-рез засомневался: возможно, это другое место? другой парк? другая школа? где я?!

Вспомнился потрепанный зеленатоватый томик Лемма, купленный в "Старой книге"... Там был рассказ о родной планете, которая только притворялась твоей родной планетой. Ты сразу почувствовал неладное: на аэродроме тебя встречали жена и дети — в тех же легких платьях, в которых ты их видел в последний раз, и погода стояла такая же теплая, как во время отлета, хотя по всем подсчетам здесь давно началась зима... И у твоей дочери на губе трепыхалась тополиная пушинка, и когда ты попытался убрать ее, то не смог — девочка закричала, словно ее рвут на куски, потому что пушинка была частью девочки, которая, скорее всего, вовсе не была девочкой, а была каким-то ужасным чудовищем, умеющим копировать и воспроизводить твои воспоминания...

Мне ужасно захотелось уйти отсюда, но я не могла. Я подумала, что реальность нужно вышибать реальностью. Нельзя сидеть сложа руки. Необходимо предпринять какие-нибудь простые человеческие действия, которые вернут меня... Куда-нибудь вернуть.

Например, выпить. Или чего-нибудь съесть.

В ларьке неподалеку стоял тяжелый дух. Еще с утра продавщица разбила бутылку дешевого крас-

ного вина. Она сразу же все вымыла и убрала осколки, но запах влезал в стены, прилавок, руки... Сколько они ни проветривали (вдвоем со сторожем Сашей), ничего не помогало... Этот запах отбил у меня всякую охоту пить алкоголь. Я купила лимонад, чипсы и вернулась к желтому углу.

Ничего не изменилось. Я пила едкий газированный напиток и понимала, что ничего не изменится. На крыльце стояла бабушка-вахтерша, которой велено было не пускать детей в школу после окончания занятий, и бабушка стояла грудью, но школу никто не штормовал, и она томилась, не имея никакой возможности применить свой героизм на практике. Мы посмотрели друг на друга долгим взглядом. Она пыталась понять, пойду ли я в атаку, а я — я не знаю, что я пыталась понять.

Я снова села на колесо у детской площадки. К малышам, которые играли в "съедобное-несъедобное", все время залетал клетчатый футбольный мяч с соседней поляны, где подростки только начали матч. В очередной раз девочка лет шести в розовом платьице не выдержала и громко крикнула футболистам: "Это у вас не футбол! Это какое-то метание гранаты!". Видно было, что она очень гордится знанием этого словосочетания — "метание гранаты".

Я сделала еще один глоток лимонада и раскрыла пакет с чипсами. Есть их было нельзя. Они имели вкус пересоленного одиночества. Я стала читать "состав продукта" на упаковке. Среди спирта, сои, ароматизаторов и красителей я, наконец, нашла ответ на свой вопрос. E551.

E551 — это добавка, препятствующая слезливанию и комкованию. *Слезливанию и комкованию* — так и было написано на пакете. Просто, как открытие.

Если бы на людях писался их состав, я обязательно выбирала бы себе таких друзей, в которых входит эта добавка, препятствующая слезливанию и комкованию, — которые могут долго храниться, легко транспортироваться, не думать о прошлом и с надеждой смотреть вперед. Они бы поделились со мной этим чудом, и я больше никогда не стала бы приходить сюда — к желтому углу, к черным колесам, к зеленой траве, к серой площадке. Я все равно уже не вспомню дом и балкон, с которого глядела в свое будущее, еще не зная о переезде, не зная, что вместо желтой — мне уготована розово-синяя школа, не зная, что очутившись в новом районе, я буду ужасно скучать по Шуре — девочке в зеленом берете — и по Вове — толстом мальчишке, который все время ел вишни и плевался косточками... Это, видимо, из-за них мне будет так грустно первые несколько лет после переезда, из-за них я начну кропать какие-то стихи и решу, что если тебе одиноко, то значит ты — писатель или поэт, или кто-то там одухотворенный. Даже собакам бывает одиноко. Все эти неверные выводы человек делает оттого, что в него забыли добавить вещество, препятствующее слезливанию и комкованию. В меня, видимо, забыли.

Даже если я вспомню балкон. В этой крошечной однокомнатной квартире хрущевского дома живут люди, которые ничего не знают о моей рефлексии и точно не пустят меня на свой балкон — снова поглядеть на желтый бок школы. Какой тогда смысл в подобных переживаниях?

Я поднялась и прошла мимо крыльца, беззвучно попрощавшись с бабушкой-вахтершей. Уходя, я бросила в урну пустую бутылку из-под лимонада и почти полный пакет пересоленных чипсов.

Я постарюсь больше не приходить сюда.

В 1980-е он сотрудничал с общественным Фондом мира, которому дарил свои работы.

Его итальянские блокноты полны пейзажными зарисовками. Для сравнения: московские испещрены лицами. Всю свою жизнь Мануэль Шац занимался графикой и был замечательным рисовальщиком. Он пытался постичь господствующую эстетику, разгадать стилевую доминанту того или иного десятилетия — это задавало своеобразный ритм его творческому развитию. Поэтому и графика тоже характеризует его как настоя-

щую творческую индивидуальность. И показывает, насколько же важен был, пусть даже и неосознанно, для него "формальный поиск".

Можно предположить, что Мануэль Шац не желал оставить своего лица в искусстве — не в автопортретах, — а предпочитая лица своих моделей, встретившихся случайно или сопровождавших его на протяжении лет. Даже в старости, к концу 1990-х (он умер в Москве в 1999 году), его рука, дрожащая, когда он ставил подпись или писал письмо, оставалась тверда в рисунке — часто в эту

пору "матиссовском", когда всего несколько непрерывных линий создают облик модели.

Как и все его сверстники, он проводил в небытие одну за другой несколько исторических эпох. Но в отличие от сверстников, Мануэль Шац проживал свою творческую жизнь вместе с каждой эпохой, и его судьба может быть определена как бытие внутри стиля и вместе со стилем (при отсутствии элигонства), и в почти автономной независимости от самого себя. Среди художников с настоящим, большим талантом, такая судьба — редкость.

Валентина КОГАН

По следам «Ликвидации»

История, которую я хочу рассказать, случилась давно, более полувека назад, и, вероятно, так и осталась бы если не полностью забытой, то уж, во всяком случае, далеко отнесенной на задворки памяти событиями и проблемами последующих лет. Причиной же ее возрождения в памяти стал недавно показанный по телевидению полудокументальный-полухудожественный фильм "Ликвидация", серия Урсуляка. То, о чем я здесь расскажу, — факт абсолютно достоверный, произошедший примерно в то же время, что и события в фильме.

Немного предыстории. Мой отец Коган Яков Моисеевич, заведовавший медицинской частью Одесской психиатрической больницы и работавший одновременно доцентом на кафедре психиатрии Одесского медицинского института, ушел на фронт в звании майора медицинской службы в первые дни Великой Отечественной войны.

После тяжелого ранения он получил назначение в г. Красноярск на должность начальника эвакогоспиталя № 983, передислоцированного позднее вместе со всеми его сотрудниками в Белоруссию, в поселок Лещинец недалеко от Гомеля. Сотрудники госпиталя были расквартированы по небольшим частным домикам местных жителей, а госпиталь расположился в изрядно поврежденном бомбежками здании местной школы. Война приближалась к победному концу, и мы, 8-10-летние "госпитальные" ребята, вместе со своими сельскими сверстниками, вместе со всей страной с нетерпением ждали это великое событие, связывая с ним представление о начале новой, сказочно необыкновенной жизни, не очень ясно себе ее представляя.

Но наше безмятежно-счастливое предвкушение уже близких грядущих радостей было омрачено вдруг возникшими зловещими слухами о бесчинствах неких грабителей и бандитов, объединенных в банду под названием "Черная кошка". Днем в школе мы обменивались последними услышанными от взрослых слухами об очередных бесчинствах бандитов, устрашали друг друга собственными домыслами, а иногда и явными вымыслами, но,

хорохорясь, ободрялись взаимными заверениями в собственном бесстрашии, которое слетало с нас, как луковая шелуха, с первыми признаками наступления сумерек и сгущавшейся затем темноты. Мы поспешно разбегались по домам, не решаясь высунуть на улицу нос даже тогда, когда того требовала естественная надобность в обстоятельствах далеко не комфортных сельских условий.

Людская молва доносила до нас слухи о том, что "Черная кошка" выходит на промысел с наступлением темноты, и в округлых очертаниях казанов и макитр, висящих на кольях оград и заборов, нам чудились силуэты бандитов, рядом с которыми казалось явственным зеленое свечение глаз живой черной кошки. Мы не сомневались в том, что в банде обязательно должно было присутствовать живое олицетворение ее названия и символа.

Но вот наступил долгожданный день Великой Победы. Мы с мамой вернулись с Одессы. А через некоторое время после расформирования госпиталя, демобилизовавшись, возвратился и отец. Послевоенная Одесса тоже была полна зловещими слухами об орудующих здесь бандах, ограблениях и разных бесчинствах. И снова упоминалась вездесущая "Черная кошка". Говорили, в частности, о дерзком ограблении городского холодильника и похищении значительной части хранившихся там городских запасов продовольствия. Органы охраны правопорядка усиленно разыскивали бандитов.

Тем не менее, жизнь нашей семьи возродилась в своем прежнем виде: мы поселились в нашей бывшей довоенной квартире на территории психбольницы, в административной фасадной ее части на втором этаже, непосредственно над приемным покоем (так милосердно до сих пор называлось приемное отделение). Я пошла в четвертый класс школы, мама — на свою прежнюю работу в соседнюю клинику больницу, и отец вернулся к своим довоенным служебным обязанностям.

В его натуре и характере удивительным образом сочетались несовместимые, на первый взгляд, интересы и пристрастия. Не стану их перечислять и комментировать. Напишу лишь об одном: он был страстным голубятником и часто по воскресеньям отправлялся на Охотницкий рынок, захватив с собой

клетку с голубями, предназначенными для всевозможных комбинаций и обменов с такими же, как он, завзятыми голубятниками. И с детской непосредственностью радовался, если в результате этих манипуляций ему удавалось заполучить какой-нибудь редкостный экземпляр породистой голубки.

Однажды мне захотелось вместе с отцом пойти на Охотницкий рынок. День выдался душный и знойный. Кроме клетки с голубями мы взяли с собой нашу собаку, черную с желтыми подпалинами немецкую овчарку редкой красоты, великолепной стати и недюжинной силы по кличке Негус. Наш Негус не получил профессиональной дрессировки, выполнял лишь несложные команды, но от природы был умен и всем своим видом внушал окружающим одновременно и восхищение, и страх.

Акция "голуби" оказалась успешной, и домой мы возвращались в хорошем настроении, но усталые и измученные жарой. Негус спокойно и просительно заглядывал в лицо своему хозяину, и отец понял, что собаку мучит жажда. Мы зашли в ближайший двор, обычный двор, каких тогда много было на Молдаванке. В центре двора стояла обитая досками водяная колонка, приводимая в действие поворотом расположенного сверху рычага.

По всему периметру на уровне второго этажа двор огибала деревянная галерея, на которую выходили многочисленные завешенные легкими шторами двери тесных квартир. Возле каждой двери стоял кухонный столик, на котором шумел примус или горел керогаз.

Опершись на перила галереи, хозяйки оживленно переговаривались друг с другом. Во дворе играли дети. Наше неожиданное появление мгновенно прервало благодушную идиллию, которая возникала (и, наверное, возникает до сих пор), когда не бывает поводов для конфликтов, в старых одесских дворах, устроенных по принципу тесного соседства, особенно в летнее время, когда объединяющая всех галерея становилась местом постоянного и невольного общения всех со всеми.

Наше появление прервало традиционное течение жизни двора. Всеобщее внимание привлек, разумеется, Негус. Мы направились к водяной колонке, отец резким движением руки повернул рычаг на колонке, и из нее вырвался мощный, красиво серебристый на солнце поток воды, к которому жадно припала собака, разбрызгивая и часто прерывая языком прямую и сильную струю воды, останавливаясь лишь для того, чтобы перевести дыхание.

И когда мы уже собирались покинуть двор, отец, слегка наклонившись ко мне, тихо сказал: "Не делай резких движений и незаметно посмотри на человека, который стоит на галерее в глубине двора прямо напротив нас". Я подняла глаза и увидела еще достаточно молодого мужчину (во всяком случае, таким он мне показался), одетого в широкие шаровары и вышитую сорочку. На голове его была надета набекрень черная меховая кубанка (это в такую-то жару!), из-под которой сбоку залихватски торчал кудрявый черный чуб. Человек стоял широко расставив ноги и сплетя "корзиночку" перед грудью руки. В его позе и устремленном прямо на нас жестком взгляде было что-то устрашающе-вызывающее.

В следующее мгновение мы покинули двор. Мне не терпелось узнать, кто же этот загадочный человек, к которому отец привлек мое внимание. Оказалось, что пока мы находились во дворе, окруженные любопытствующими, но вполне доброжелательными взглядами его обитателей, отец почувствовал, что кто-то невидимый напряженно и неотступно следит за нами. И не ошибаясь: осторожно и незаметно обведя внимательным взором двор, он "нащупал" этот следивший за нами глаз. И лишь когда стало очевидно,

что мы намерены покинуть двор, человек, так пристально следивший за нами из своего укрытия, вышел на галерею.

Коротко взглянув на него, отец привлек к нему мое внимание. Оказалось, что человек этот был ему не знаком, но папа вполне уверенно определил в нем скрывающегося от наказания правонарушителя, расценившего наше неожиданное появление с Негусом, вид которого точно соответствовал облику настоящей служебной собаки, как замаскированную акцию по его, правонарушителя, обнаружению и задержанию. Этим и объяснялось его поведение, начиная с момента нашего появления и до ухода.

Еще некоторое время после этого эпизода я мысленно возвращалась к нему, несколько не подвергая сомнению правильность отцовской версии. Много позже, когда отца уже не было в живых, его коллега и помощник по комиссии судебно-психиатрической экспертизы доктор Людмила Яковлевна Задорожнюк рассказывала, что иногда к отцу за советом и помощью обращались следователи, когда в процессе следственных действий они сталкивались с логически не объяснимыми поступками как преступников, так и потерпевших. И бывало, что, извлекая из уголовного дела вполне, казалось бы, второстепенные и малозначимые детали, мимо которых прошло следствие, отец предлагал свою версию мотивов преступления, которая оказывалась доказательной.

Уже не помню, случилось это тем же летом или летом следующего года, но усилиями правоохранительных органов был задержан главарь одной из крупных действовавших тогда в Одессе банд. А вот фамилию его я помню до сих пор — Шibaев. Сразу оговорюсь: все сведения о нем стали мне известны лишь после того невероятного события, о котором я хочу рассказать.

Учитывая серьезность и масштаб-

ность совершенных бандой Шibaева преступлений, за ходом следствия по его делу осуществлялся надзор центральных правоохранительных органов. Поэтому следствие велось с особой тщательностью.

В процессе следственных действий была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, которая должна была выявить и дать заключение о психическом статусе Шibaева и определить, были ли совершенные им преступления результатом душевного заболевания и связанного с ними психического статуса или, совершая преступления, этот человек был вменяем, то есть отдавал себе отчет в своих действиях, за которые должен нести уголовную ответственность.

В случаях, когда комиссия улавливала факт невменяемости обвиняемого, его освобождали от наказания и направляли на принудительное лечение. Преступники видели в этом лазейку, с помощью которой можно было избежать тюрьмы, и симулировали душевное заболевание, делая это иногда очевидно примитивно и неумело, а порой и довольно искусно. Обследование таких "сложных" симулянтов при решении вопроса об их вменяемости осуществлялось в так называемом судебном отделении психбольницы.

Не могу здесь не рассказать в связи с этим об одном примечательном случае. Отец читал студентам юридического факультета одесского университета курс судебной психиатрии. Поскольку слушателями были будущие юристы, а не медики, им излагались общие положения предмета изучения, легко доступные для восприятия. При этом лекции в конце сопровождалось наглядной демонстрацией больного, доставляемого из психбольницы, страдающего соответствующей теме лекции формой душевного расстройства. На эти лекции собирались студенты со всех факультетов университета, до отказа заполняя аудиторию, а особо ин-

тересные темы привлекали и студентов других вузов. Я помню, например, что на лекцию, посвященную гипнозу, пришли студенты строительного института.

Так было и в тот раз, когда темой лекции была симуляция душевных заболеваний, для иллюстрации которой в университет привезли находящегося в судебном отделении больницы подсудимого, симулировавшего душевное заболевание. Для его доставки в университет коллеги отца по правоохранительным органам предоставили спецмашину и сопровождающего охранника. Попутно замечу, что никакой специальной охраны в судебном отделении больницы не полагалось: считалось недопустимым наличие вооруженных людей в условиях специфического медицинского учреждения общегосударственного назначения. Двери судебного отделения так же, как и двери других отделений больницы, открывались и закрывались персоналом специальными съемными ручками, подобными тем, которыми проводники поездов открывают из коридора запертое изнутри купе.

Как всегда, в конце лекции отец пригласил в аудиторию подэкспертного, провел с ним перед студентами продолжительную беседу, состоявшую, в основном, из вопросов и ответов, и убедительно развернул перед слушателями приемы демонстрируемой симуляции.

Вернувшись в больницу, этот человек попросил встречи с отцом, во время которой он чистосердечно признался в симуляции. Ведь будучи психически абсолютно здоровым и вполне адекватно ориентирующимся в ситуации человеком, он понял, зачем его доставили в университет, и что демонстрация на лекции означала полное разоблачение. В дополнение к этому в аудитории среди студентов он приметил свою знакомую односельчанку, предстать перед которой в таком качестве оказалось для него большим позором, чем в статусе "обычного" правонарушителя.

Но вернемся к Шибаеву. Не знаю, симулировал ли он душевное заболевание, или экспертиза была назначена в порядке особой тщательности и полноты проведения следствия по его делу, но он был помещен для обследования в судебное отделение больницы. В отделении он ни с кем не общался, был безучастен, целыми днями лежал, уставившись в потолок бесстрастным неподвижным взглядом. Шибаев не пользовался обычной больничной одеждой, а лежал в личном тончайшем и изысканнейшем заграничном белье (ему ли не пользоваться награбленным!). При этом он как-то вяло и категорично отказывался

от пищи. Было неизвестно, намекался ли он при этом демонстрировать симптомы душевного заболевания или такое поведение просто отражало его подавленное состояние.

Однажды в воскресенье, погожим летним днем, недалеко от центрального входа в больницу остановился небольшой грузовик какого-то непривычного вида и необычайной формы. Из него вышли несколько мужчин и направились к больнице, а машина тут же уехала. Из открытых окон нашей квартиры было хорошо видно и слышно все, что происходило снаружи, перед больницей.

Впоследствии отец не мог объяснить, повинуюсь какому чувству он подошел к окну именно в тот момент, когда к больнице подъехал необычный грузовичок, и почему он обратил внимание на номер этой машины, запомнил его.

А через некоторое время в нашей квартире раздался непривычно продолжительный телефонный звонок. Это перезвонила телефонистка, дежурившая на больничном коммутаторе, обеспечивающем внутрибольничную связь. Она уже была осведомлена о случившемся и торопилась сообщить об этом отцу.

А случилось вот что. Приехавшие на грузовике мужчины беспрепятственно прошли к судебному отделению: день был посетительский, и дежурный у входа в больницу без ограничений пропускал всех, кто приходил. У входа в отделение эти "посетители" остановили первого проходившего мимо сотрудника, отобрали у него дверную ручку, открыли ею дверь, втолкнули его в отделение и вошли в него сами.

Растерявшемуся и обескураженному персоналу отделения было приказано немедленно собраться в столовой и лечь там ничком на пол: "Лицом вниз, руки за голову!". Не знаю, был ли Шибаев как-то предупрежден о готовящейся акции по его вызволению, но, увидев своих, он мгновенно прервал свое безучастно-меланхолическое состояние, вскочив с кровати с проворством упругого мячика.

"А ну, ребята, выходи! Вас здесь не обижают?!" — обратились тем временем "посетители" к остальным обитателям отделения. Но те, не успев сориентироваться в происходящем, видимо, восприняли ситуацию как некую провокацию и в оцепенении не двигались с места.

Так что, кроме Шибаева, из отделения никто не ушел, тем более что вся операция была осуществлена молниеносно. Грузовик тем временем, отъехав от больницы, обогнул ее и ожидал бандитов со стороны Кривой Балки, граничившей с тер-

риторией больницы и отдаленной от нее ракушняковым больничным забором, через пролом в котором я и моя подруга, жившая на Кривой Балке, бежали в гости друг к другу.

Покидая отделение, "гастроле-ры", рассчитав довольно точно время, необходимое, для того чтоб добраться до грузовика и скрыться, запретили находившемуся в столовой персоналу покидать ее раньше, чем пройдет указанное ими время. Так что звонок отцу последовал тогда, когда банда со своей добычей была уже далеко.

Разумеется, это событие вызвало большой переполох в соответствующих инстанциях, и о нем немедленно было сообщено в Москву. Поиски по горячим следам успеха не принесли. По номеру грузовика, который запомнил отец, разыскали владельца машины. Им оказался демобилизованный из армии офицер, который привез грузовик в качестве трофея по окончании войны. Он сдавал машину в аренду, не очень интересуясь теми, кто ее арендовал. Разумеется, братва, заполучив в аренду машину, оставила в залог какие-то фальшивые документы. Поэтому этот путь тоже не вывел на след преступников.

С высвобождением Шибаева ко мне вернулись прежние страхи: я боялась нападения бандитов, а Шибаев, которого я никогда не видела, представлялся мне грозным верзилкой, еще больше бесчинствующим после своего похищения из больницы и избавления от тюрьмы. Я ни с кем не делилась этими своими страхами, но изредка робко интересовалась у отца, не изловили ли Шибаева снова, на что отец обещал незамедлительно сообщить мне, когда это произойдет.

И однажды с торжествующим видом он сказал мне: "Радуйся! Шибаева задержали!". Его взяли спящим, у него под подушкой лежали два заряженных пистолета, которые он не успел привести в действие. Я спросила у отца: "А какой он из себя, этот Шибаев?". И папа мне с загадочным видом ответил вопросом на вопрос: "Ты помнишь человека на галерее во дворе на Молдаванке?". Конечно, я его помнила! Его мрачный облик мгновенно возник перед глазами.

Но из ответа отца я не поняла, что он имел в виду: был ли тот человек Шибаевым, или просто был на него похож. Тогда я так и не уточнила у отца, и не знаю этого до сих пор. Но так ли уж это важно?..

P. S.

После этого происшествия судебное отделение в больнице упразднили и организовали соответствующее подразделение в других, более подходящих для него условиях.

Николай ПРОКОПЕНКО СТИХИ

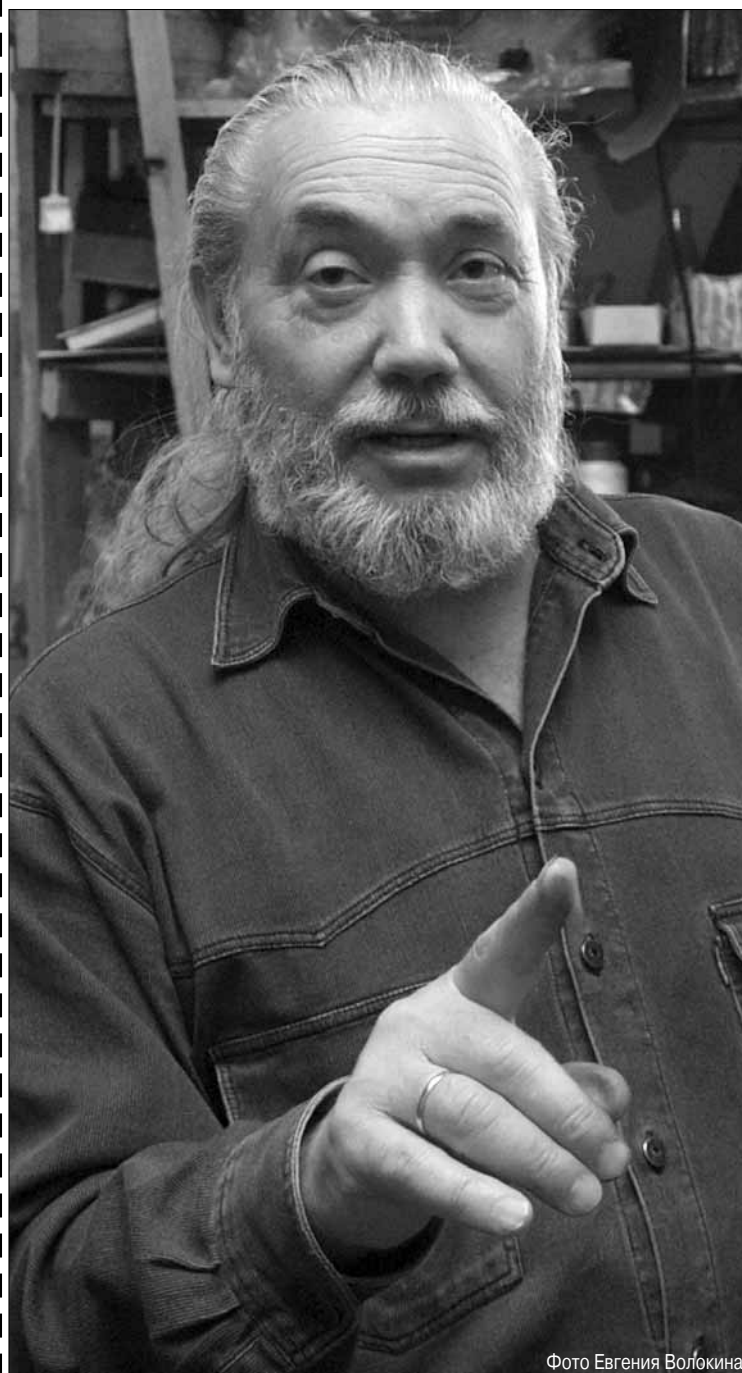

Фото Евгения Волокина

Заслуженного художника Украины Николая Прокопенко знают и любят многие ценители изобразительного искусства.

Но как и многие художники, во всяком случае, в Одессе, — Олег Соколов, Николай Степанов, Игорь Божко, Александр Дмитриев и многие, многие другие, — Николай Прокопенко своеобразный образный поэт. И кто знает, может, его живопись берет исток в его стихах?

Е. Г.

Фонари горят — цвета желтого,
Я лежу на боку
истоптанном

Фонари горят
цветом оранжевым —
На моей душе упование.
Может цвет оранжевый
Не сойтись с синеющим
на устах нетронутых.

...Стоит жара —
Печаль цветет,
Маслина пожелтела...
А годы длинные —
Спать пора,
И сердце жжет
За все унылое.
Луна белеет,
Трава — седеет.
Запах осени дрыхлеет
На краю Земли.

Висит Луна,
А на Земле — война,
Висит Луна,
А на Земле — зима,

Висит Луна,
А на Земле — Она,
Висит Земля,
А над Землей — Луна.

Яблоки созрели
в августовскую ночь.
На заре слетели
в седую траву —
Все воспоминания о жизни —
прочь!

Как Дождь собрать
с небес Вселенной
И слить в Один сосуд Любви...
Так время Детства улетает,
переходя с крошечной тьмы
На Синий свет.

Дождь...
Как тую оконный
Провис перегородкой
предо мной,
Он закрывает сад
вишневый
И заставляет видеть путь
сплетенный
Из миллиардов тысяч Лоз...

тересные темы привлекали и студентов других вузов. Я помню, например, что на лекцию, посвященную гипнозу, пришли студенты строительного института.

Так было и в тот раз, когда темой лекции была симуляция душевных заболеваний, для иллюстрации которой в университет привезли находящегося в судебном отделении больницы подсудимого, симулировавшего душевное заболевание. Для его доставки в университет коллеги отца по правоохранительным органам предоставили спецмашину и сопровождающего охранника. Попутно замечу, что никакой специальной охраны в судебном отделении больницы не полагалось: считалось недопустимым наличие вооруженных людей в условиях специфического медицинского учреждения общегосударственного назначения. Двери судебного отделения так же, как и двери других отделений больницы, открывались и закрывались персоналом специальными съемными ручками, подобными тем, которыми проводники поездов открывают из коридора запертое изнутри купе.

Как всегда, в конце лекции отец пригласил в аудиторию подэкспертного, провел с ним перед студентами продолжительную беседу, состоявшую, в основном, из вопросов и ответов, и убедительно развернул перед слушателями приемы демонстрируемой симуляции.

Вернувшись в больницу, этот человек попросил встречи с отцом, во время которой он чистосердечно признался в симуляции. Ведь будучи психически абсолютно здоровым и вполне адекватно ориентирующимся в ситуации человеком, он понял, зачем его доставили в университет, и что демонстрация на лекции означала полное разоблачение. В дополнение к этому в аудитории среди студентов он приметил свою знакомую односельчанку, предстать перед которой в таком качестве оказалось для него большим позором, чем в статусе "обычного" правонарушителя.

Но вернемся к Шибаеву. Не знаю, симулировал ли он душевное заболевание, или экспертиза была назначена в порядке особой тщательности и полноты проведения следствия по его делу, но он был помещен для обследования в судебное отделение больницы. В отделении он ни с кем не общался, был безучастен, целыми днями лежал, уставившись в потолок бесстрастным неподвижным взглядом. Шибаев не пользовался обычной больничной одеждой, а лежал в личном тончайшем и изысканнейшем заграничном белье (ему ли не пользоваться награбленным!). При этом он как-то вяло и категорично отказывался

от пищи. Было неизвестно, намекался ли он при этом демонстрировать симптомы душевного заболевания или такое поведение просто отражало его подавленное состояние.

Однажды в воскресенье, погожим летним днем, недалеко от центрального входа в больницу остановился небольшой грузовик какого-то непривычного вида и необычайной формы. Из него вышли несколько мужчин и направились к больнице, а машина тут же уехала. Из открытых окон нашей квартиры было хорошо видно и слышно все, что происходило снаружи, перед больницей.

Впоследствии отец не мог объяснить, повинуюсь какому чувству он подошел к окну именно в тот момент, когда к больнице подъехал необычный грузовичок, и почему он обратил внимание на номер этой машины, запомнил его.

А через некоторое время в нашей квартире раздался непривычно продолжительный телефонный звонок. Это перезвонила телефонистка, дежурившая на больничном коммутаторе, обеспечивающем внутрибольничную связь. Она уже была осведомлена о случившемся и торопилась сообщить об этом отцу.

А случилось вот что. Приехавшие на грузовике мужчины беспрепятственно прошли к судебному отделению: день был посетительский, и дежурный у входа в больницу без ограничений пропускал всех, кто приходил. У входа в отделение эти "посетители" остановили первого проходившего мимо сотрудника, отобрали у него дверную ручку, открыли ею дверь, втолкнули его в отделение и вошли в него сами.

Растерявшемуся и обескураженному персоналу отделения было приказано немедленно собраться в столовой и лечь там ничком на пол: "Лицом вниз, руки за голову!". Не знаю, был ли Шибаев как-то предупрежден о готовящейся акции по его вызволению, но, увидев своих, он мгновенно прервал свое безучастно-меланхолическое состояние, вскочив с кровати с проворством упругого мячика.

"А ну, ребята, выходи! Вас здесь не обижают?!" — обратились тем временем "посетители" к остальным обитателям отделения. Но те, не успев сориентироваться в происходящем, видимо, восприняли ситуацию как некую провокацию и в оцепенении не двигались с места.

Так что, кроме Шибаева, из отделения никто не ушел, тем более что вся операция была осуществлена молниеносно. Грузовик тем временем, отъехав от больницы, обогнул ее и ожидал бандитов со стороны Кривой Балки, граничившей с тер-

риторией больницы и отдаленной от нее ракушняковым больничным забором, через пролом в котором я и моя подруга, жившая на Кривой Балке, бежали в гости друг к другу.

Покидая отделение, "гастролеры", рассчитав довольно точно время, необходимое, для того чтоб добраться до грузовика и скрыться, запретили находившемуся в столовой персоналу покидать ее раньше, чем пройдет указанное ими время. Так что звонок отцу последовал тогда, когда банда со своей добычей была уже далеко.

Разумеется, это событие вызвало большой переполох в соответствующих инстанциях, и о нем немедленно было сообщено в Москву. Поиски по горячим следам успеха не принесли. По номеру грузовика, который запомнил отец, разыскали владельца машины. Им оказался демобилизованный из армии офицер, который привез грузовик в качестве трофея по окончании войны. Он сдавал машину в аренду, не очень интересуясь теми, кто ее арендовал. Разумеется, братва, заполучив в аренду машину, оставила в залог какие-то фальшивые документы. Поэтому этот путь тоже не вывел на след преступников.

С высвобождением Шибаева ко мне вернулись прежние страхи: я боялась нападения бандитов, а Шибаев, которого я никогда не видела, представлялся мне грозным верзилкой, еще больше бесчинствующим после своего похищения из больницы и избавления от тюрьмы. Я ни с кем не делилась этими своими страхами, но изредка робко интересовалась у отца, не изловили ли Шибаева снова, на что отец обещал незамедлительно сообщить мне, когда это произойдет.

И однажды с торжествующим видом он сказал мне: "Радуйся! Шибаева задержали!". Его взяли спящим, у него под подушкой лежали два заряженных пистолета, которые он не успел привести в действие. Я спросила у отца: "А какой он из себя, этот Шибаев?". И папа мне с загадочным видом ответил вопросом на вопрос: "Ты помнишь человека на галерее во дворе на Молдаванке?". Конечно, я его помнила! Его мрачный облик мгновенно возник перед глазами.

Но из ответа отца я не поняла, что он имел в виду: был ли тот человек Шибаевым, или просто был на него похож. Тогда я так и не уточнила у отца, и не знаю этого до сих пор. Но так ли уж это важно?..

P. S.

После этого происшествия судебное отделение в больнице упразднили и организовали соответствующее подразделение в других, более подходящих для него условиях.

Николай ПРОКОПЕНКО СТИХИ

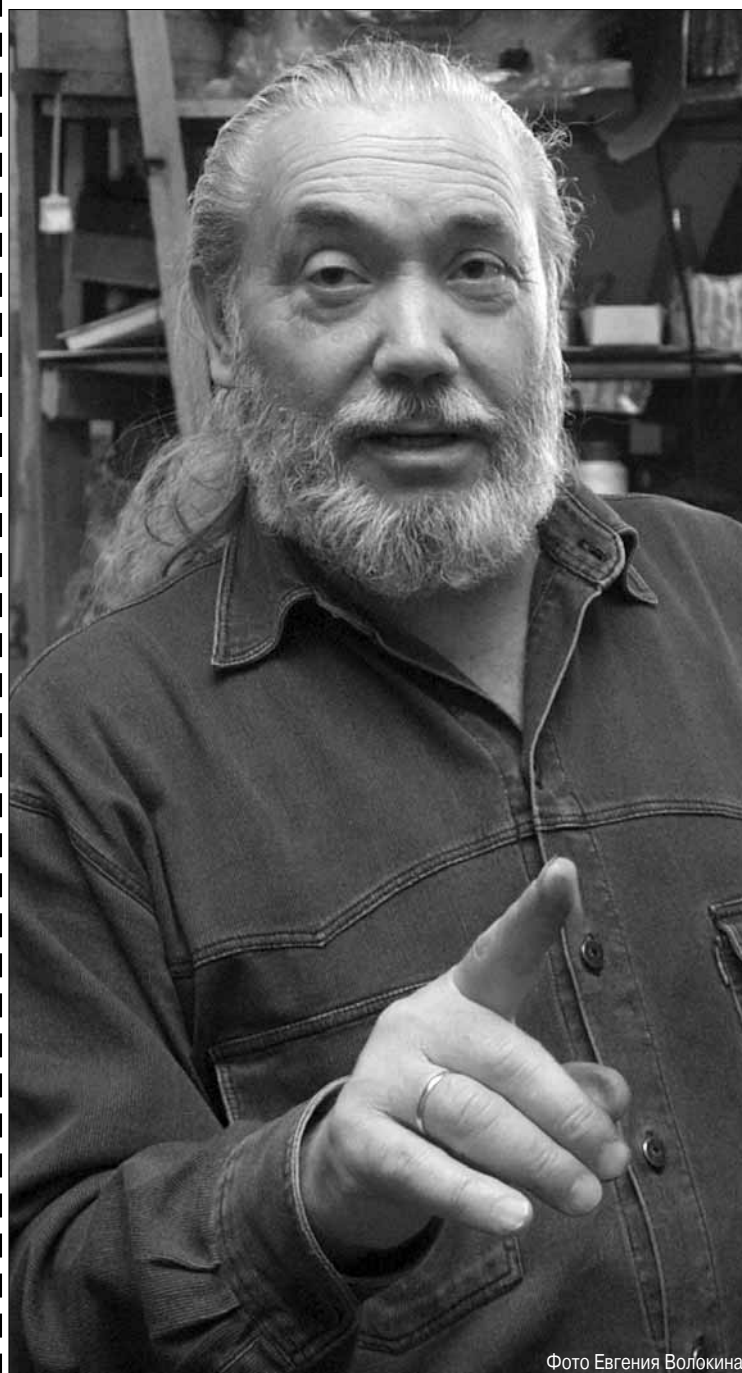

Фото Евгения Волокина

Заслуженного художника Украины Николая Прокопенко знают и любят многие ценители изобразительного искусства.

Но как и многие художники, во всяком случае, в Одессе, — Олег Соколов, Николай Степанов, Игорь Божко, Александр Дмитриев и многие, многие другие, — Николай Прокопенко своеобразный образный поэт. И кто знает, может, его живопись берет исток в его стихах?

Е. Г.

Фонари горят — цвета желтого,
Я лежу на боку
истоптанном

Фонари горят
цветом оранжевым —
На моей душе упование.
Может цвет оранжевый
Не сойтись с синеющим
на устах нетронутых.

...Стоит жара —
Печаль цветет,
Маслина пожелтела...
А годы длинные —
Спать пора,
И сердце жжет
За все унылое.
Луна белеет,
Трава — седеет.
Запах осени дрыхлеет
На краю Земли.

Висит Луна,
А на Земле — война,
Висит Луна,
А на Земле — зима,

Висит Луна,
А на Земле — Она,
Висит Земля,
А над Землей — Луна.

Яблоки созрели
в августовскую ночь.
На заре слетели
в седую траву —
Все воспоминания о жизни —
прочь!

Как Дождь собрать
с небес Вселенной
И слить в Один сосуд Любви...
Так время Детства улетает,
переходя с крошечной тьмы
На Синий свет.

Дождь...
Как тую оконный
Провис перегородкой
предо мной,

Он закрывает сад
вишневый
И заставляет видеть путь
сплетенный
Из миллиардов тысяч Лоз...

«ФОНТАНУ» 10 ЛЕТ! ПОЗДРАВЛЯЕМ...

Десять лет выходит в нашем городе журнал "Фонтан", десять лет его редактирует вице-президент Всемирного клуба одесситов Валерий Хаит. Поздравляя коллег, мы хотим подтвердить нашу неразрывную связь — ведь первый номер "Фонтана" создавался в помещении Всемирного клуба одесситов. Сегодня мы представляем читателям несколько текстов из журнала.

Валерий ХАИТ

ТЫ ЧЕГО ТАКОЙ ГРУСТНЫЙ СЕГОДНЯ?..

— Ты за кого на выборах голосовал?
— А зачем тебе это?
— Просто интересно.
— Подобные вопросы задавать незачем.
— Почему?!
— Политика такое же интимное дело, как и религия...

Женщина с мужем в бутике. Примерила супермодную юбку, вышла в зал к большому зеркалу. Говорит продавщице:

— Все-таки юбка какая-то странная...
Та:
— Это с непривычки. Просто ее нужно понять.
Муж тут же:
— И простить...

— Ну зачем ты говоришь, что он ведет себя неприлично? Посмотри на него внимательно: его интеллигентность нет-нет да и проявляется...

Хороший знакомый. Известен тем, что любовь к свободе соперничает у него лишь с любовью к выпивке. Зашел в редакцию.

— Ты чего такой грустный сегодня?
— Детей давно не видел...

Зиновий Ефимович Гердт много ездил по стране со своими творческими вечерами. Рассказывал о жизни, о друзьях — поэтах, артистах и режиссерах, читал стихи. Отвечал на записки. Шутил, иронизировал. Как правило, над собой. Однажды в Одессе прочитал записку: "Расскажите о самом большом вашем творческом успехе". Я хорошо запомнил его ответ.

— Ну, если о самом большом, — то с удо-

вольствием, — сказал Гердт. — Помню, были у нас гастролы в Тбилиси. И вот идем мы с моим грузинским другом по проспекту Руставели. Весело разговариваем. Я докурив сигарету и ищу, куда бы бросить окурочку. Оборачиваюсь, вижу метра в десяти сзади урну. Возвращаться не хочется, и я щелчком отправляю туда окурочку. И что удивительно — точно попадаю. Друг мой уже в нескольких метрах впереди. Эх, думаю, жаль, никто не видел... Вдруг женщина рядом на тротуаре, видимо, заметив мое огорченное лицо, — на всю улицу: "Я видела! Я видела! Bravo!..". Так что это был не только мой самый большой в жизни успех, но и по достоинству оцененный... Гердт!

Жена зашла в магазин подарков. Просит показать нечто неясного назначения. Продавщица предлагает подарок подороже. К тому же, так сказать, функциональный.

— Этот хоть в хозяйстве пригодится, а тот вам зачем? Пользы от него никакой.

— Просто я очень люблю такие вещи...

— А-а, ну тогда ясно. Любовь вообще вещь бесполезная...

Перекресток. Люди ждут зеленый свет. Вместе с ними ждет возможности перейти улицу большая бездомная собака. Наконец напротив зажигается шагающий зеленый человек. Собака тут же ступает на мостовую, за ней все остальные. Какой-то лихой водитель, не желая уступать пешеходам, резко поворачивает и пытается проскочить перед ними. Собака бросается на машину с истощенным лаем. В нем так и слышится:

— Куда прешь?! Ты что, не видишь, что это нам зеленый горит!..

Евгений МИКУНОВ СЛОВА И ДУМЫ

"Важно не кем тебя считают, а когда", — говорят продвинутые цыплята.

"Ну что за люди, — думал милиционер, — даже "Помогите!" кричат противными голосами!"

"Как плохо ходит транспорт", — думал младенец, когда его раз в день укладывали в коляску.

— Зачем меня бить? — возмущался мяч. — Нельзя, что ли, просто сказать: "Катись отсюда!"

"Я дисциплины в своей армии не потерплю", — часто говаривал батяня Махно.

"Обо мне никто не думает", — ворчалось будущее.

"Не хочется быть тривиальным", — говорил самурай, делая себе харакири с помощью лазера.

"Надо быть сумасшедшим, чтобы у вас лечиться!" — говорил пациент психиатру.

Валерий АНТОНОВ МЫСЛИ НАВЫНОС

Идеальная пара легко получается из не встретившихся друг с другом.

Отныне красота не требует жертв. Жертвы уже сами выстраиваются в очередь.

Обнаружив опечатки в самоучителе жизни, обращайтесь к автору.

Вынести мусорное ведро для мужчин не составляет никакого труда. Но смысл?!

Если время нельзя убить, но можно продать, значит, это время — рекламное.

Кто из нас не мечтает свить свое гнездышко на ветвях власти!

У нас настолько великая история, что ее можно переписывать еще не раз и не два.

Повстречался утром с зеркалом — и почему-то разочаровался в этом изобретении человечества...

Как подумаешь Бог весть о чем, так в результате получается черте что!

Юрий БАЗЫЛЕВ ВКРАТЦЫ

БДИ!
С историками нужен глаз да глаз — они могут оставить нас без прошлого.

СТОЙКИЙ
Непоколебимо гибкий.

УКРАШЕНИЕ
Зад, увенчанный треном.

ЗАПРЯГАНЕ
Хомутают и с помощью лаврового венка.

ЗАТРУДНЕНИЕ
Показать-то пример легко. А попробуй-ка им послужить!

ФОРМУЛИРОВКА
Афоризм — это спринт слов, совмещенный с марафоном мыслей.

ИНФОРМАЦИОННОЕ
Сведения из надежно дезинформированного первоисточника.

ШАНСЫ
Подрезанные крылья лишают возможности взлетать, зато дают уйму шансов вознестись.

Михаил ВЕКСЛЕР РАЗМЫШЛЕНИЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ПОДУМАЙ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ...

Когда тебе светит
От года до лет,
Лететь ли на этот
Сомнительный свет?

РЕКЛАМА

Водка "Шустов"! Дербалызни
За здоровый образ жизни.

СВЕЖАЯ РИФМА

Некто Я. — художник слова.
Как такое ремесло вам?

КИТАЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Скажи мне, кто твой год, и я скажу, кто ты.

СВАДЬБА

Наша Таня громко...
Поздно. (Крики "Го-о-орько!")

ТРУДОГОЛИК

Я люблю свою работу.
Как за что?... Скажу тебе —
За чаи, за анекдоты,
За кроссворды и т. п.

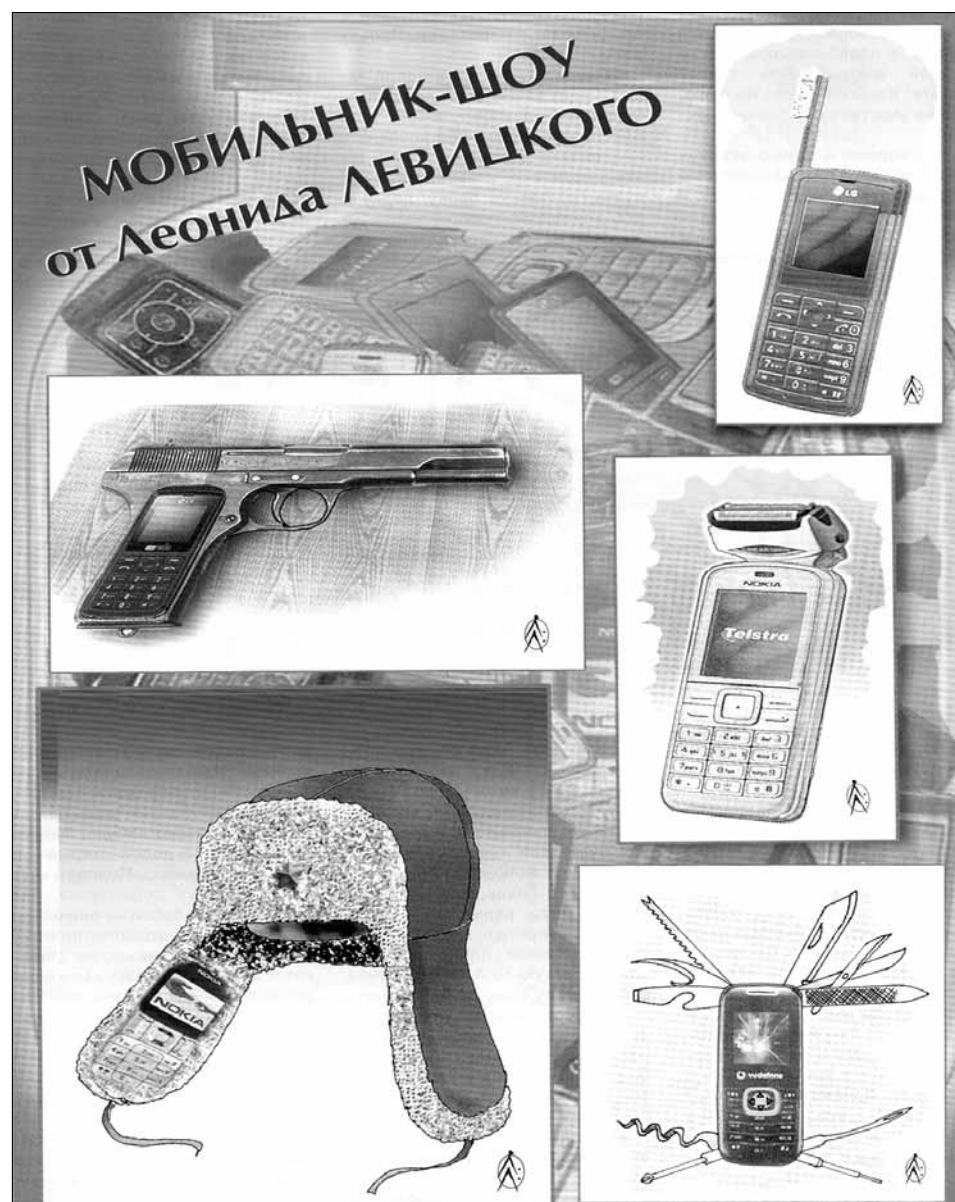
МЕКСИКАНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Трезвого текила исправит.

Наша гривня не только не уступает
в красоте американскому доллару, но
еще и в пять раз дешевле его.

ИЗ УСЛЫШАННОГО ОТ СЕБЯ

Смелому человеку для храбрости
достаточно ста грамм, а такому трусу,
как я, и пол-литра мало.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.